

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

руководитель фракции партии “Справедливая Россия” ГД РФ

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ “ПОЭМА”

Дорогие друзья!

В бытность Председателем Совета Федерации, да и сейчас, работая в Государственной Думе руководителем фракции партии “Справедливая Россия”, мне приходится довольно часто встречаться с самыми разными людьми. На этих встречах, особенно во время выборных кампаний, мне задают много вопросов, касающихся политики, экономики, ЖКХ, здравоохранения, культуры, программы нашей, партии и всегда просят рассказать о себе. Но на свою биографию времени, как правило, не хватает.

Почти всегда после этих встреч я понимаю, что не успел рассказать своим собеседникам о многом — о людях, которых помню с детства, о своей первой учительнице, о мальчишеской дружбе, об армии, где я служил в воздушно-десантных войсках, о первом прыжке с парашютом, о солдатском братстве, о годах, проведённых в геологических экспедициях, одним словом, обо всём том, что сделало меня таким, каков я есть.

1. “Дерево счастья”

Первая моя производственная практика после окончания первого курса Ленинградского Горного института проходила в Якутии.

Было это летом 1975 года.

Компания подобралась весёлая. Помню двух студентов с третьего курса — Серёжку и Наташку. Они дружили, даже, можно сказать, была у них любовь, так что спустя какое-то время они стали спать в одной палатке.

Несмотря на очень тяжёлые маршруты, а приходилось по сопкам-горам ходить километров по двадцать пять-тридцать в день, вечером у костра всё время раздавался смех. Хоть убей, не помню, была ли с нами гитара. Наверное, была, потому что Серёжка здорово играет на гитаре.

27 августа у Серёжки — день рождения.

Наташка накануне специально съездила в дальний посёлок, купила ему в подарок какие-то шикарные ботинки. У нас тоже были приготовлены подарки, но просто так вручать их было не интересно. И тогда кто-то предложил: “А давайте-ка мы подарим Серёжке “Дерево счастья!”

Склоны сопки местами уже были жёлтые от маленьких осиночек с золотыми листьями. Это обстоятельство и определило наш выбор “Дерева счастья”.

Рано утром мы отошли подальше от лагеря, чтобы не было слышно топора, и срубили осинку метра в два высотой. Мы старались, чтобы листья у неё не опали, но они держались крепко, только нежно трепетали, даже не от ветра, а когда мы её несли.

Палатки стояли на деревянных настилах. Внизу – брёвна уложены четырёхугольным срубом, к ним приколочены доски. А уже на эти доски на каркасе устанавливалась палатка.

Заострив ствол осинки, мы её воткнули в щель между досками, прямо у входа в Серёжину палатку. Повесили на деревцо коробку с ботинками, купленными Наташей, а также все свои разнообразные, а на самом деле очень простые подарки: кто-то подарил свой фонарик, кто-то – хорошую ручку, чтобы писать в пикетажке, одним словом, кто что мог.

Уселись у костра и стали ждать, когда проснётся Серёжка.

Кстати, Наташе мы не сказали про “Дерево счастья”. Мы ей сказали: “Давай сюда подарок, мы придумаем, как его вручить”.

И вот ребята вылезают из палатки...

Я на всю жизнь запомнил, какая радость сияла в глазах у Серёги.

Солнце взошло, было тихо, листья осинки солнечно трепетали, и на этом праздничном “Дереве счастья” висели Серёжины подарки.

Не знаю, может быть, Серёга до этого и после получал более дорогие подарки, но уверен – наше “Дерево счастья” он запомнил на всю жизнь.

2. “Киса”

Помните персонаж из “Двенадцати стульев” – Кису Воробьянинова?

Мой коллега – Володя Воробьёв – очень логично и быстро превратился во время практики в “Кису”.

Он удивительный и уникальный человек. Володя учился на геофизика. После первого курса его угораздило в первую свою производственную практику попасть в наш геохимический отряд от кафедры “Геохимия” Горного института.

Я на кафедре работал уже года два, был опытным геохимиком. Начальником отряда назначили Юраню (Юру Стуккея), а я занимал должность как бы завхоза отряда (по крайней мере, всё хозяйство – палатки, спальники, раскладушки, питание – было на мне) и по совместительству водителя.

...Где-то в первых числах июня Юраня приводит в лабораторию коренастого паренька, представляет его мне: “Сергей, это Володя Воробьёв, первокурсник, он будет проходить с нами практику. Ты как раз хотел собирать имущество в подвале, вот бери его, он тебе поможет”.

Что ж, лишние рабочие руки никогда не помешают.

Я пожал Володе руку, сказал, что меня зовут Сергей, пригласил пройти со мной. Мы спустились в подвал и под моим руководством около часа перетаскивали из угла в угол спальники, раскладушки, палатки, по ходу дела проверяя их целостность и пригодность для предстоящего полевого сезона.

Помню, что поработали мы недолго, потому что наступило время обеда. У нас в Горном институте, да и вообще в геологии, говорят: “Война войной, а обед по распорядку!” Я позвал Володю в нашу институтскую столовку. Кормили в то время там комплексными обедами. За полтинник можно было очень даже неплохо поесть.

Я специально так подробно описываю наше первое знакомство, потому что к тому моменту, когда мы, взяв подносы с комплексными обедами, сели за стол, знал я его не более двух часов. До этого я даже не подозревал о его существовании.

И вот мы едим, не помню, то ли борщ, то ли рассольник. Есть я привык быстро ещё в армии. Да и палатки с раскладушками нас ждут.

Взгляд Володи тем временем затуманился, ложка застыла в руках. Он вдруг задал мне вопрос, от которого я чуть не поперхнулся: “Сергей, а ты боишься смерти?”

Когда я понял, что не ослышался, то набрал в рот воздуха и приготовил целую кучу ответов. Один “круче” другого. Решил “поприкалываться” по полной программе. Но, взглянув в Володины глаза, я понял, что парень-то не шутит, а спрашивает вполне серьёзно. Видимо, в этот момент нет для него важнее вопроса, и ему очень хочется услышать откровенный ответ от меня.

Я вполне искренне ответил, что, наверное, любой человек боится смерти. Глупо не бояться её, потому что жизнь прекрасна. Но так как мы ещё малы, наверное, можно об этом пока не думать. Лучше гнать подальше от себя такие мысли.

Мы продолжили обед.

Я не забывал внимательно посматривать на Володю. Когда в очередной раз его ложка застыла на половине пути ко рту, а взгляд затуманился, я тоже положил свою ложку, повернулся к нему и стал ждать следующего вопроса.

Володя не заставил себя долго ждать, повернулся ко мне и спросил: “Сергей, а у тебя есть светлый образ?”

На секунду я задумался: что, собственно, он имеет в виду? Я осторожно спросил: “Володя, а “светлый образ” – это что?” Оказалось, что “светлый образ” – это девушка, причём, в понимании Володи даже не просто девушка, а... невеста.

Я сейчас не помню, что я ему сказал. Но то, что ответ был искренним – это точно.

Были ещё вопросы, уже не помню какие, но я уже не удивлялся, и поэтому они тоже не запомнились.

Мы с Володей за два дня собрали всё имущество, даже погрузили в автобус “КАвЗ”, который я должен был перегнать в Беломорский район. Но уехал я один, потому что Володя ещё проходил учебную практику.

... И вот мы работаем в Карелии, отбираем геохимические пробы пробатором, таскаем тяжеленную кувалду, по вечерам сидим у костра. Лагерь, в который спустя неделю-две после начала полевого сезона приехал Володя, находился в уникальном месте. Мы разбили его на косе, я бы даже сказал – перешейке между двух озёр.

Перешеек этот представлял собой огромную песчаную насыпь метров в сорок шириной и метров десять высотой, наверху поросшую отборными корабельными соснами. Слева и справа от насыпи – песчаные, довольно пологие склоны, спускающиеся в два красивейших озера с очень чистой и тёплой (для купания) водой.

В один прекрасный день, вернувшись из маршрута, мы увидели, кроме дежурного по лагерю, круглое сияющее лицо Володи, который, как я уже сказал, заочно получил от нас кличку “Киса”. Мы жутко обрадовались новому человеку.

После той истории в столовке и после двух дней работы с Володей в подвале Горного института я пришёл к удивительному выводу, что Володя – человек уникальный: у него абсолютно отсутствовало чувство юмора.

Он совершенно не понимал ни шуток, ни анекдотов. А главное (это самое весёлое и интересное) – не понимал, когда над ним подшучивают. Володя воспринимал всё абсолютно серьёзно.

Свершилось!

Наконец-то наша вечерняя жизнь у костра наполнится новым смыслом. У нас появился человек, который не понимает шуток!

В тот год весь полевой сезон Володе доставалось ой-ёй-ёй как. Чего мы только не придумывали! В Карелии, оказывается, водились особые карельские медведи, которые, как рыси, прыгают на шею, поэтому рюкзак всегда нужно носить чуть ли не на голове.

А после того, как Володя спросил, для чего это мы кувалду кладём в озеро, ему объяснили: чтобы измерить, сколько катионов железа из этой кувалды просочилось через наш перешеек из одного озера в другое. Для этого нужно каждый день отбирать пробу воды. Пока мы неделю стояли на этом озере, Володя добросовестно каждое утро набирал в бутылку воду, закупоривал, подписывал этикетку и ставил бутылку около палатки. Правда, когда уезжали, мы признались, что его разыграли. Так что пришлось эти бутылки оставить.

Не буду перечислять всех хохм и всех приколов. Как я уже сказал, Володя был очень добродушным молодым человеком. Может быть, он в глубине души и обижался, но не показывал вида. Только когда мы сами признавались, что шутим, он всегда говорил: “Да ну вас, пойду рыбку ловить”.

Володя был большим спецом именно по ловле рыбки. Он неоднократно кормил нас ухой, а иногда даже налавливал на “жарёху”. Когда он видел рыбу, плещущуюся в реке или в озере, он забывал обо всём на свете.

В тот полевой сезон с ним ещё приключилась такая история.

Мы разбили лагерь, как сейчас помню, среди молоденьких сосёнок. Метра в ста был ручей. Ручей – максимум метр шириной, но довольно глубокий, с очень чистой водой. Мы из этого ручья брали воду.

В один из дней Володя остался дежурить в лагере. Утром он встал раньше всех, приготовил завтрак, накормил нас, и мы на весь день ушли. Обычно возвращались часов в 5-6 вечера, в это время ещё светло.

Мы подходим к лагерю. Что-то не пахнет ни дымком, ни чем-то вкусным. Войдя в лагерь, видим такую картину. Валяется грязная, невытая ещё с завтрака посуда, костёр погас. Естественно, никакого обеда-ужина нет и в помине. Но самое главное – нет и Володи. Честно говоря, мы ужасно перепугались, бросились его искать.

Пошли к ручью на поиски. Где-то в полукилометре вниз по течению ручья встречаем убитого горем Володю с пустым ведром в руках. Мы кинулись к нему: “Что случилось?”

Володя, увидев нас, ужасно перепугался (это отразилось на его лице) и сначала не мог говорить. Но постепенно мы всё-таки смогли его разговорить.

С ним произошла вот такая история.

Отправив нас на маршрут, Володя взял ведро, чтобы набрать воды для мытья посуды. Он подошёл к ручью, хотел зачерпнуть ведром воду, но вдруг увидел, как из ручья прямо на него смотрит огромная, килограмма на три, щука, медленно пошевеливая плавниками. Володя тут же сообразил, что если он аккуратненько заведёт ведро, то сможет повторить подвиг Емели, а именно вытащить щуку, если не из проруби, то, по крайней мере, из ручья.

Володя, действительно, медленно-медленно завёл ниже по течению ведро и начал подводить к щуке. Щука была не дура, в последний момент она увильнула, но далеко не уплыла, спустилась вниз по ручью метра на два и остановилась. Володя снова стал заводить ведро. Щуке, похоже, было скучно, ей очень захотелось поиграть с замечательным молодым человеком. Одним словом, щука увела его вниз по ручью километров на пять, причём, через каждые пять метров Володя пытался ведром эту щуку поймать.

Он забыл про всё на свете. Забыл, что бросил лагерь, забыл, что нас нужно кормить, потому что охотился за этой щукой.

Кончилось всё тем, что щука довела его до места, где ручей впадал в речку. Как рассказал Володя, она с сожалением, что игра закончилась, посмотрела на него, махнула на прощание хвостом и была такова. Грустный Володя с пустым ведром направился в лагерь, где и был встречен голодными, но, забегая вперёд, скажу, простившими его за отсутствие ужина товарищами.

Володя был настоящий рыбак.

3. Ирина

Эта молодая, симпатичная, черноволосая с зелёными глазами девушка нравилась, по-моему, всей мужской части нашего небольшого отряда, включая начальника отряда, меня и всех студентов. Но она очень дипломатично умудрялась не отдавать предпочтения никому и в то же время (по крайней мере, у меня создавалось такое ощущение) не лишала никого и надежды.

Девчонка, одним словом, была замечательная.

С ней были связаны, не побоюсь этого слова, удивительные истории, которые я, естественно, не мог не запомнить на всю жизнь.

За удивительные глаза мы очень часто Ирину называли Ведьмой. В ней действительно было что-то от ведьмы, причём ведьмы очень красивой. Родом она была из Карелии. Некоторые её необъяснимые способности я пытался объяснить именно тем, что она наверняка знает какие-то местные приметы, обычаи и так далее.

Например, она безошибочно предсказывала погоду.

Работали мы обычно в ведро, потому что в дождь по болотам не находишься.

Однажды, помню, стояли в хорошем местечке. Нашли какую-то заимку – сложенный из брёвен сруб с земляным полом. Низкая дверь, два небольших окошка. Домик был, наверное, высотой метра в три, не больше – до конька крыши.

Мы решили не разбивать палатку. Натаскали лапника, побросали на него спальники. Так и спали. Кашеварили и дежурили по очереди. Кто-то всегда оставался в лагере – готовил еду для всех.

В Карелии есть такое удивительное природное явление – ламбины.

Ламба, по-моему, с карельского переводится, как “глухое озеро”. Но мы ламбинами называли чистую воду посреди болота. Судя по всему, когда-то здесь были огромные озера. Они постепенно заболачивались. Трясина потихонечку затягивала всё пространство, оставляя в середине обычно не очень большое зеркало чистой воды.

И вот однажды кто-то решил забросить в такую ламбину спиннинг с блесной. К удивлению, с первого же заброса удалось вытащить здоровущую щуку. Мы поняли, в озере когда-то рыбы было много. Но болото наступало, воды оставалось всё меньше. Поэтому оголодавшие щуки и бросаются с такой яростью даже на самодельную блесну. Бросил блесну, по-моему, Володя Воробьёв – тот самый легендарный “Киса”. Он ловил рыбу на удочку и на блесну при каждом удобном случае. Одним словом, мы решили разойтись по многочисленным ламбинам, чтобы наловить щук и внести тем самым разнообразие в своё меню.

Как я уже говорил, стояло ведро.

Завершив (с перевыполнением) трудовой день, мы решили, что завтра рванём на рыбалку. Поужинав, расселись у костра и стали готовить снасти. Кто-то строгал себе удище. К нему нужно было изолянтной примотать катушку “Нева-2”, а из алюминиевой проволоки сделать кольца на удище. Кто-то занимался самодельными грузилами, кто-то – блёснами, кто-то выправлял заржавевшие тройники. Прямо скажу, снастей у нас было негусто. Многого делалось, что называется, из подручных средств.

Но вы сами понимаете (обращаюсь к тем, кто знает, что такое рыбалка), какое это удовольствие – готовить снасти в предвкушении завтрашней рыбалки!

Из девчонок с нами была одна Ирина. Она очень снисходительно и саркастически посматривала на наши приготовления, абсолютно не принимая в них никакого участия. Только время от времени приговаривала: “Ну-ну, посмотрю, как вы завтра порыбачите”.

Мы относили её “ну-ну” к сомнению в нашем рыбацком профессионализме. Немедленно начались рассказы о невероятно удачных рыбалках. Размер и вес выловленных рыб возрастали каждые полчаса в геометрической прогрессии. Сами знаете, что такое рыбацкие рассказы.

Но кто-то всё-таки спросил у Ирины, почему она не верит в успех нашего завтрашнего мероприятия?

И тут последовал неожиданный ответ...

Хочу напомнить, что стояли “белые ночи”. Дело происходило часов в десять. Солнце ещё не зашло. Наш временный лагерь находился в бору, и верхушки столетних сосен казались золотыми.

Ответ её был таков:

“Ни на какую завтра рыбалку вы не пойдёте. Будете палатку латать (как раз для неё мы решили отдельную палатку поставить, а сами, как я уже говорил, расположились в заимке) и собирать разбросанные вещи”.

Мы удивились, посмотрев на абсолютно чистое небо: “Почему, с какой стати?”

“Потому что ночью будет буря”, – без тени сомнения сказала Ирина.

Мы посмеялись. К полуночи угомонившись, приготовив снасти, решили, что встаём завтра в пять утра и дружно разбегаемся по заранее облюбованным ламбинам...

Где-то часа в три ночи рвануло.

Причём рвануло в прямом смысле.

Что начался ветер, я сквозь сон слышал. Потом вдруг раздался жуткий треск, и что-то громко обрушилось на нашу избёнку (слава Богу, те, кто когда-то клал этот сруб, сделали его на совесть – изба не дрогнула). Тут сон как рукой сняло. Оказалось, что буря с корнем вырвала из земли сосну, и она рухнула прямо на крышу нашей избушки.

Сосна проломила крышу. Даже верхний венец сруба, как мы потом увидели, на который пришёлся основной удар ствола, немножко треснул и прогнулся. Но в целом избушка выдержала.

Палатку Ирины просто сорвало и куда-то унесло.

Она перебралась со своим спальником к нам в избушку.

Мы слышали, как звякали и брякали летающие ведра и тарелки. Но до утра предпринимать что-либо было бесполезно, тем более, что из-за туч было довольно темно.

Утром, как ни в чём не бывало, светило солнышко.

Мы пошли осматривать результаты ночной “атаки”.

Решили прямо поверх упавшего на заимку дерева натянуть палатку, сде-лав, таким образом, подобие брезентовой крыши.

Кто-то собирал разбросанную посуду.

Одним словом, полдня мы занимались ликвидацией последствий природного катаклизма. Ни о какой рыбалке речи быть не могло. Да и на следующий день уже был заказан грузовик для того, чтобы нас перевезти на новое место.

Но это всё предыстория к удивительным событиям, свидетелем которых я сам стал. Или участником, очевидцем – как угодно.

До сих пор не могу ни объяснить, ни понять, что же всё-таки произошло. По всей видимости, я стал свидетелем, как сейчас принято говорить, аномального явления или, вернее, аномальных возможностей человека.

... Мы работали на каком-то сухопутном участке. Вокруг – замечательный сосняк, грунт – песчаный.

Разделились для работы следующим образом. Я, Женька Вапник и Бич брали каждый по два-три профиля и проходили, по-моему, двухкилометровые профили через каждые пятьдесят метров, ища место для удачной лунки, удачного шпура, чтобы именно оттуда можно было потом Юране с Ириной забрать пробу.

Юраня по этим профилям шёл с трёхметровой трубой и кувалдой, опускающая в приготовленный нами и отмеченный веточкой шпур заборника. Он вбивал его на двадцать сантиметров, потом вынимал, шпилькой выковыривал в мешочек пробу и так далее. Ирина всё это записывала.

Юраня с Ириной работали от меня где-то километрах в полутора. Справа от меня метрах в четырёхстах работал Бич. Слева от меня, ближе к Ирине и Юране, работал Женька Вапник. Я их слышал – в лесу было тихо. Я слышал, как звонко стучит кувалдой по набалдашнику заборника Юраня, слышал, как, обычно глухо, но при попадании на камень очень звонко звенел лом в руках либо у Бича, либо у Женьки.

Дело было в августе. Полно ягод – черники, брусники, на болотах – морошки. И, конечно, мы объедались этими ягодами. Вроде бы уже и не хочется, но как пройти мимо полянки, синей от черники или красной от брусники? Я ложился на пузо и, загребал двумя руками, можно сказать, прямо с земли ягоды в рот, иногда с листьями, но это меня не смущало.

Поэтому, когда я некоторое время не слышал звуков работы, я понимал, что народ “трудится” на ягодных полянах. Работали мы на этом участке, по-моему, третий день.

Нужно сказать, что каждое утро я не забывал всем напоминать об элементарной технике безопасности. Она очень простая. Когда ты начинаешь с размаху бить ломом грунт, и лом углубляется в грунт до отмеченной риски, следует стоять вертикально и ни в коем случае не наклонять голову над пробиваемым шпуром. Почему?

Допустим, ты пробил грунт на полметра. Остаётся пройти ещё десять сантиметров довольно лёгкого, как представляется, песчаного грунта. Ты со всего маху кидаешь лом внутрь, а там вдруг оказывается валун. Тогда лом, который весит килограммов двенадцать, подпрыгивает метра на полтора над землёй. И если ты в тот момент наклонился, то круглый набалдашник ударит тебя прямо в лоб со всеми вытекающими последствиями.

Но, сколько ни говори, а всё-таки человек “любит” учиться на собственных ошибках.

Женька решил убедиться в этом на собственном опыте.

Я обратил внимание, что слева, где он работал, уже минут десять ничего не слышно. Обычно на ягоды уходило максимум минут пять. Дальше их есть было невозможно – начиналась оскоми́на. Я стал подумывать о том, чтобы

пойти и посмотреть, не случилось ли чего, как вдруг услышал, что сквозь молодую поросль сосёнок кто-то ломится. Я надеялся, что это человек, а не медведь, окликнул: “Женька, это ты?” Ответа я не услышал.

Я остановился и стал ждать.

И вот появляется Женька.

Честно говоря, мне стало не по себе. Всё лицо и вся энцефалитка до колен у него была в крови. На лбу полукругом свисал лоскут кожи. Мне показалось, что там белеет кость.

Я кинулся к Женьке: “Что, зафитилил?”

Он безнадежно качнул головой. Что произошло – было понятно, другое дело, что меня волновало его состояние. Я заставил его присесть, спросил:

– Голова кружится?

– Немножко, – ответил Женька.

– Когда это произошло?

Выяснилось, что случилось это минут десять-двенадцать назад. Похоже, Женька минут пять лежал без сознания.

Я взял комок мха ягеля, аккуратненько придавил им свисающий кусок кожи, сказал, чтобы Женька его так держал. Кровь уже сильно не текла. Я спросил его:

– Идти можешь?

– Могу.

– Пойдём потихонечку к Ирине, может, у неё бинт есть.

И мы пошли.

Я крикнул Бичу (потому что понимал, что он тоже прислушивается), чтобы продолжал работать.

Выходим мы на полянку.

Юрания сидел на корточках в накомарнике (а комаров там и мошки – туча) и как раз выковыривал шпилькой пробу из заборника.

Ирина стояла к нам лицом, накомарник у неё был поднят. Я увидел (хотя до неё было метров двадцать), как у неё расширились глаза, и она молча хлопала Юраню по плечу.

Юрания поднял голову, увидел, что она куда-то смотрит, встал и развернулся в нашу сторону.

Мы медленно приближались к ним.

Юрания снял накомарник, он был в очках. И тут я впервые в жизни увидел (но об этом часто пишут), как у человека волосы встают дыбом. Вот у Юрании именно так, дыбом, встали волосы. Лицо его стало белым-белым.

Я прекрасно понял, что вид Женьки, мягко говоря, не внушает никакой радости, а Юрания всё-таки начальник отряда. Естественно, он испугался, поэтому постарался его успокоить: “Юрания, да ничего, видишь, Женька уже почти оклемался. Может, обойдётся”.

Спросил у Ирины:

– У тебя есть бинт или ещё что-нибудь?

У неё ничего не оказалось. Но недалеко, буквально в километре, мы знали, находится изба химаря-вздымщика.

Химарями-вздымщиками назывались люди, которые собирали живицу – смолу с сосен. Они делали специальным инструментом на стволах такие треугольные насечки, потом ставили воронкообразную банку, куда стекала живица.

Мы уже как-то заходили к нему в гости. Днём он обычно был на участке, а вечером можно было его застать. Мы знали, что у него есть аптечка. Как принято в тайге, дверь, конечно, никто не запирает, поэтому к нему всегда можно было зайти.

Юрания сказал Ирине: “Идите в лагерь и ждите нас там”.

Он уже понял, что Женьку не надо эвакуировать, хотя выглядел наш “герой” неважно.

Ирина с Женькой ушли.

Юрания нервно достал “беломорину”. Бледность с лица его не уходила. Насчёт волос не знаю, потому что он вновь напялил на себя накомарник. Закурив, он поднял на меня глаза и спросил: “Ты понимаешь, что произошло?”

Я отвечаю: “Юрания, да ничего страшного, видишь, оклемался, полежит пару дней, не будет ходить в маршруты. Забинтуем его, всё прирастёт”.

Юрания прервал меня: “Да нет, ты понимаешь, что произошло?” – сделал ударение на “что”.

Я понял — его волнует что-то другое. Вопросительно глядя на него, я ждал разъяснений.

Юрания рассказал вот что:

“Сорок минут тому назад (а я прикинул, что, похоже, как раз именно в это время Женька и получил удар набалдашником пробойника в лоб) Ирина мне вдруг говорит: “Слушай, Юрания, ничего с собой поделывать не могу, вижу Женьку, и у него всё лицо в крови”. Я ей ответил: “Ты что?! Записывай лучше внимательней, а всякую ерунду мне тут не рассказывай. И вот до того момента, пока вы не вышли, она каждые пять минут повторяла мне, что видит залитое кровью лицо Женьки. Предлагала пойти посмотреть, не случилось ли чего. Я в очередной раз посылаю её к чёрту, и вдруг выходите вы, и как ты сам прекрасно видел — Женька весь в крови”.

Мы посмотрели друг на друга, потом повернулись вслед ушедшим Ирине с Женькой и замолчали.

Собственно говоря, вот и вся история.

Что это было?

Честно говоря, до сих пор не знаю, но, похоже, эта Ирина обладала неизвестными нам способностями. По крайней мере, я был свидетелем тому, о чём написал.

4. Мистика

Несколько полевых сезонов мы с Ириной провели в Карелии. Но, как и всё в жизни, и эти полевые сезоны закончились. На прощание она мне подарила два замечательных октаэдра зелёного граната — гроссуляра.

Кстати, у Куприна в повести “Гранатовый браслет” браслет был сделан именно из такого граната — зелёного.

Эти два гроссуляра цветом очень были похожи на цвет её глаз.

Ирина сказала: “Я знаю, ты коллекционируешь минералы, положи их в свою коллекцию. Только никогда никому их не дари и никогда не разъединяй. Это мои глаза. Они всегда будут следить, чтобы у тебя было всё хорошо”.

Я улыбнулся, очень мне такой образ понравился.

С благодарностью взял гроссуляры, и мы расстались.

И вот, спустя два-три года, мне для чего-то понадобилась справка, кажется, 286-й формы. Чтобы её получить, надо было пройти диспансеризацию, обойти всех врачей. Жил я уже в Ленинграде, но прописан был по-прежнему в Пушкине. Пришлось ехать в родную поликлинику по месту прописки.

Там я случайно встречаю девочку из параллельного класса. Она, оказывается, работает секретарём у главврача. Я тут же спросил её, не сделает ли она мне такую справку, чтобы мне самому к врачам не ходить?

“Нет проблем, — сказала она, — приезжай через два дня”.

Приезжаю через два дня, справка готова.

У девочки, кстати, тоже были зелёные глаза. Я подумал, что нужно её как-то отблагодарить, вспомнил, что у меня есть два гроссуляра. “Зачем мне в коллекции два гроссуляра?” — легкомысленно подумал я. Взял один камушек и привёз девушке в подарок.

А буквально через некоторое время загремел в больницу, загремел серьёзно и надолго. Тогда вошли в моду прививки от гриппа. Капали такие капельки под язык. При этом предупреждали, что будет лёгкое недомогание. Вот такое недомогание в виде гриппа я перенёс на ногах. Но начались всякие осложнения.

В больнице провалялся больше трёх месяцев. Пришлось даже брать академический отпуск. А я хотел весной уже ехать в поля. Но врачи настаивали, что мне после болезни нужно ещё полежать. Честно говоря, я сам чувствовал, что в полях-то мне будет тяжело. Но желание не пропустить полевой сезон было сильнее болезни. Я боролся, как мог.

Тут неожиданно мои коллеги по работе, геофизики (они часто навещали меня), приносят письмо. Я сразу узнал почерк — это был почерк Ирины.

Читаю: “Ты нарушил своё обещание. Зная тебя, уверена, что ты кому-то подарил только один гроссуляр. Второй оставил себе, потому что тебе дорога твоя коллекция. Надеюсь, ты помнишь, кто тебе их подарил. Только ты забыл, что я говорила. Это точно. Поэтому тебе сейчас очень плохо. Я не знаю, что с тобой случилось. (Здесь нужно заметить, что Ирина в это время работала

совершенно в другом месте. Узнать, что случилось со мной, она ни от кого не могла.) Но знаю, если ты кому-то подарил один камень, значит – так было надо, поэтому я тебя прощаю. Всё у тебя будет хорошо. Желая тебе здоровья и удачи!”

Нужно ли говорить, что, когда я прочитал это письмо, во-первых, мне стало очень-очень стыдно, а во-вторых, я действительно быстро-быстро пошёл на поправку и уже через несколько месяцев был в своей родной стихии – в экспедиции, в поле.

Вот такая мистика.

5. Мечты иногда сбываются

В Монголии я проработал почти десять лет – с 1981-го по 1991-й.

Первые пять лет я ездил только на полевые сезоны. Обычно из Ленинграда через Москву и далее в Улан-Батор. Улетали в апреле-мае, возвращались в октябре-ноябре. А с 1986 года (если быть точным, с июля) по июль 1991-го я работал по пятилетнему контракту в Монголии круглогодично.

Тогда, кстати, бытовала такая присказка: “Курица – не птица, Монголия – не заграница”. Имелись в виду так называемые “материальные блага”, которые получали советские граждане, работавшие за рубежом. Часть зарплаты от зарубежной командировки мы получали в чеках Внешторгбанка СССР. Ими можно было отовариваться в специализированных магазинах “Берёзка”. За рубежом народ обычно покупал всё то, что не производила советская промышленность. По этим критериям Монголия как раз и не считалась полноценной “заграницей”. Но это смотря кому и с чем сравнивать.

Должен сказать, что годы, проведённые в Монголии, у меня до сих пор ассоциируются с ощущением, что это время я прожил при коммунизме.

Почему так?

Представьте себе: полгода мы жили в комфортабельных квартирах, полностью обставленных. В каждой квартире – хороший телевизор, холодильник. Причём по габаритам и по площади квартиры были, мягко говоря, не такими, как в “хрущёвках” или блочных домах. Они явно превосходили и квартиры в домах знаменитой 337-й серии, которые на тот момент, по крайней мере, в Ленинграде, очень котировались. Треть зарплаты действительно можно было переводить на чеки. Остальные две трети – тратить по своему усмотрению.

Я лично много тратил на книги, впрочем, не я один. Те книги, которые в СССР можно было достать либо из-под полы, либо по так называемым “макулатурным” талонам, свободно продавались в книжных магазинах Монголии. И подписаться можно было на любое издание, выходящее в Советском Союзе.

Деньги (тугрики) лежали в серванте, в баре на стеклянной зеркальной полочке. За все пять лет я не помню случая, чтобы в день полочки на этой полочке ничего не оставалось. То есть деньги от полочки до полочки не кончались. При этом покупались не только книги, но и многие другие товары: одежда, посуда и прочие нужные вещи.

Мы жили в третьем-четвёртом микрорайоне Улан-Батора – в нескольких современных девятиэтажных домах. Кстати, сейсмоустойчивых, готовых выдержать землетрясение до десяти баллов. Дома были огорожены изящной решёткой. Имелось КПП, где постоянно дежурили сначала советские сотрудники, а в последние перед концом СССР годы – монголы. Местным жителям (не всем, естественно, подряд) выдавались специальные пропуска для посещения магазинов на территории нашего мини-городка.

Один магазин был продовольственный, один – промтоварный. В продовольственном продавалось всё, что, наверное, в Советском Союзе имелось только в так называемых распределителях для начальства. Или – на столах заведующих крупными гастрономами. Шоколад, кондитерские изделия, любые консервы, спиртные напитки, фрукты, компоты, джемы... Продолжать можно до бесконечности. Одним словом, купить можно было всё, что угодно.

Теперь несколько слов о том, как была организована работа в камеральный период. Камеральный период у геологов – это время обработки полевых данных, обычно это зима. Год делился на две половины. С начала апреля, когда уже было тепло и прекращались полевые бури, мы выезжали в поля.

За десять лет я в прямом смысле слова прошёл ногами всю Монголию. Нет ни одного аймака (это, по-нашему, область) или сомона (по-нашему, район), где бы я не побывал.

С апреля по ноябрь все мужчины находились в полях.

Жёны работали на камеральной обработке.

Я работал в аэропартии. Мы искали уран. У нас имелся самолёт Ан-2 со специальной аппаратурой. Он фиксировал радиоактивные аномалии. На специальных лентах писали перьями самописцы. Потом эти данные плюс данные аэрофотосъёмки расшифровывались в Улан-Баторе нашими жёнами. Потом эти данные переправлялись к нам в поля, и уже наземные отряды (а я как раз в таком наземном отряде и работал) ездили проверять аэроаномалии. Нужно было понять, с чем они связаны: то ли это породная аномалия, то ли действительно месторождение урана либо других радиоактивных полезных ископаемых.

Про поля я расскажу отдельно.

Сейчас – о том, как был устроен наш быт в осенне-зимний период.

На территории городка моя квартира находилась в конце проулочка. Окна выходили прямо на КПП. Мне всегда было хорошо видно, кто уехал, кто приехал, кто пришёл, стоит ли автобус у КПП (про автобус я напишу отдельно). Работа начиналась в 9 утра. В 8:50 я брал свою дочку Иришку за руку и отводил на первый этаж своего же подъезда в детский сад. Потом шёл к соседнему дому, поднимался на лифте на девятый этаж. Там в обычных квартирах были устроены камеральные или, как бы сейчас сказали, офисные помещения. Мы работали до обеда, до часу дня. Была ещё добрая традиция: в 11 часов пить чай, причём у себя дома. Всё рядом.

В час дня шли на обед. Мы забирали дочку из детского сада на первом этаже, поднимались к себе, обедали. Потом опять отводили дочку в детский сад, возвращались на работу.

В соседнем с нами подъезде на первом этаже был огромный продовольственный магазин, в котором, как я уже говорил, было всё. В доме, который стоял рядом с большой баскетбольно-хоккейно-футбольной площадкой, тоже на первом этаже находилась большая промтоварный магазин. Там женщины покупали разные, в основном, импортные (польские, чешские, румынские, иногда – финские) модные на тот момент “тряпки”. Этот процесс, должен сказать, доставлял им огромное удовольствие. Всегда находилось что-то для них интересное. Но два раза в месяц был специальный завоз – привозили какие-то особенно замечательные товары. Их, правда, можно было купить только по “бичику”. “Бичик”, по-монгольски, – это разрешение, талончик. У женщин была какая-то своя сложная система распределения этих “бичиков”. Мужики в это дело не влезали. Нам это было абсолютно не интересно. Вот книжные магазины – другое дело. Со свежими (обычно – однодневной давности) советскими газетами и журналами тоже не было никаких проблем. Они продавались свободно.

В пять часов работа заканчивалась.

Кто-то шёл домой, а кто-то – на КПП, где стояло несколько автобусов. На одном можно было поехать в другой советский городок. Он назывался Сот-3 (по-моему, это сокращённо от “строительного отряда”). Там находился огромный спортивный комплекс с бассейном, тренажёрными залами, с закрытым полем для мини-футбола, баскетбольными, волейбольными площадками и так далее. Второй автобус отвозил всех желающих на центральную площадь Улан-Батора. Там находился Ленклуб (Ленинский клуб). Это, если по-простому, советский Дом культуры, где каждый вечер демонстрировались самые последние фильмы из Советского Союза, а иногда и иностранные. По выходным в клубе выступали с концертами известные советские артисты. Ещё там имелся большой книжный киоск, буфет и многое-многое другое. А два-три других автобуса развозили всех желающих, в основном женщин, по другим магазинам.

Вот такая была организованная жизнь.

Если забыть про тоску по Родине, отвлечься от постоянного ощущения, что ты всё-таки в чужой стране, то, в общем-то, почему бы и не коммунизм?

...Я всегда любил политику. В своём родном Ленинграде, а позже – в Свердловске был активным лектором-международником общества “Знание”.

Я даже посещал закрытые семинары, на которые приезжали лекторы из ЦК КПСС (хотя я не был коммунистом).

Однажды меня по особому списку пригласили на такой семинар в Дом политпросвещения в Ленинграде. Я уже два года был лектором-международником в Невском районе (там размещалось НПО “Рудгеофизика”, в котором я работал).

И вот, помню, сижу я в зале, слушаю и конспектирую выступление. Оно, кстати, было довольно интересным. Естественно, идеологически выверенным, но более откровенным, что ли. В самый драматический момент, пересказывая перипетии прихода Бабрака Кармаля к власти в Афганистане, московский лектор, вдруг понизив голос, произнёс: “А теперь я хочу вам сказать, как коммунист коммунистам...”

У меня холодок побежал по спине. Я незаметно оглянулся (мне показалось, что все сейчас строго посмотрят на меня), потому что я, наверное, единственный был не коммунист в этой аудитории. Никому даже в голову не могло прийти, что среди них затесался самозванец.

... Здесь следует уточнить, что коммунистом я не был не из-за идеологических разногласий с КПСС (я, как и многие, был дитя своего времени), а по абсолютно банальной причине. Я был комсомольцем, даже секретарём комсомольской организации, вернее, замом секретаря комсомольской организации НПО по идеологии. Окончил специальные годовичные лекторские курсы, регулярно посещал курсы повышения квалификации.

Когда мне исполнилось двадцать восемь лет, я пришёл в партком нашего института и сказал, что хотел бы вступить в партию. Там очень обрадовались и сказали: “Сергей, ты такой активный комсомолец, нам такие как раз и нужны”.

Отлично!

Но тут выяснилось, что не всё так просто.

В наше НПО (научно-производственное объединение) входили институт ВИРГ – Всесоюзный институт разведывательной геофизики – и завод с простым названием “Геологоразведка”. На нём производилась геофизическая аппаратура. Мне предложили отправиться на завод и агитировать четырёх рабочих, чтобы они подали заявления в партию. Тогда и меня примут, потому что существует “квота” – четверо – “от станка”, один – от ИТР. Мне объяснили, что КПСС – партия, прежде всего, рабочего класса, поэтому должна соблюдаться определённая пропорция.

Я с удивлением смотрел на секретаря парткома: вроде умный мужик, а такую фигню молотит. Я, естественно, ему не сказал, что никогда не пойду никого агитировать, но понял, что не видать мне партии, как своих ушей, век куковать беспартийным.

Но если честно, абсолютно из-за этого не расстроился.

Точно так же, как и из-за того, что так и не могу вспомнить, что сказал на том семинаре московский лектор, “как коммунист коммунистам”...

1989 год – разгар перестройки.

Все минусы борьбы с пьянством, утверждения в обществе здорового образа жизни мы уже вкусили на себе. Монголы всё “слизывали” со старшего брата (СССР). “Архушка” (монгольская водка-архи – она, в отличие от нашей, не сорок, а тридцать восемь градусов) стала огромным дефицитом. На праздниках народ маскировал спиртное в чайниках. “Чай” мы иногда начинали пить на ранних стадиях застолья, удивляя присутствующих высокопоставленных партийных работников своим весельем и свободным полётом мыслей...

Но это я отвлёкся.

В этом году проходили выборы на альтернативной основе народных депутатов СССР. Я уже говорил, что мы покупали все газеты. А я, кстати, выпиывал, обратите внимание, многие популярные журналы и газеты Советского Союза. Даже из своего родного города – “Ленинградскую правду”.

Газеты приходили по подписке обычно с двух-трёхдневной задержкой, журналы опаздывали на одну-две недели. “Ленинградская правда” приходила тоже с двухнедельной задержкой. Читал я и просматривал всё. Нужно сказать, что газеты в период перестройки были очень интересными.

Мы засматривались программой “Взгляд”. Разница с московским временем была четыре часа, передачи заканчивались глубокой ночью, но мы всё равно смотрели, а днём, во время камеральных работ, обсуждали увиденное и услышанное.

Но это всё было осуществимо только в Улан-Баторе, когда мы там жили, то есть в конце осени, зимой или в начале весны.

Когда мы уезжали в поля, там, конечно, не было никаких телевизоров. Советское радио принимало программы с трудом и не везде, поэтому мы были оторваны от мира.

Но я уже знал, что 25 мая 1989 года в Кремле откроется первый Съезд народных депутатов СССР, впервые избранных на альтернативной основе в условиях, можно сказать, почти полной демократии. Хотя на тот момент приснопамятная шестая статья Конституции СССР отменена не была. Мне было известно, что депутатом избран академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Многие другие фамилии тоже были известны из газет, журналов, из телевизионных новостей.

У меня появилась мечта – увидеть в прямой трансляции (об этом тоже было объявлено) съезд своими глазами.

Ну, мечтать не вредно, как в таких случаях говорят. В конце апреля мы уже выехали в поле.

Отрабатывали западные аймаки Монголии, потом работали в Ховдинском аймаке. Это район так называемой котловины Больших озёр. Кстати, именно там, по крайней мере, в то время, находился всемирный эталон чистоты воздуха. В Монголии вообще мало промышленных предприятий, а в западной Монголии их совсем не было. Поэтому воздух там действительно поразительно чистый. Однажды на маршруте, взобравшись на какую-то горушку, я увидел раскинувшуюся передо мной бескрайнюю долину, а где-то там, на краю, одиноко стоящую гору. По форме, по конусу, было видно, что это бывший вулкан. Я прикинул на взгляд расстояние (а опыт у меня уже был). Решил, что до неё максимум километров сорок. Каково же было моё удивление, когда, вынимая один планшет за другим (мы работали по картам Генерального штаба стотысячного масштаба), я понял, что на самом деле до этой горы... сто двадцать километров! Вот такая чистота воздуха...

Но это я опять отвлёкся.

Возвращаюсь к своей мечте – посмотреть в прямом эфире Съезд народных депутатов СССР.

С конца апреля я находился в городе Ховде (его иногда называли Кобдо, там у нас была стационарная база – щитовые домики, большой автопарк, большие склады). Оттуда мы выезжали непосредственно на полевые работы. Весь май шла подготовительная работа. Несколько раз мы ездили искать место для будущего лагеря. С середины мая начал регулярно летать наш борт. Мы уже поставили юрты и палатки в двухстах километрах от Кобдо, можно сказать, в чистом поле.

На тот момент я исполнял обязанности начальника отряда и занимался доукомплектованием оборудования: получал на складах батарейки, проверял аппаратуру, наблюдал за ремонтом наших машин, в частности “уазиков” – УАЗ-469.

Это был первый сезон, когда у нас начались интересные новшества...

В Советском Союзе шла перестройка. Что-то похожее начиналось и в Монголии. В начале полевого сезона 1989 года поступила команда привлекать к работе местные кадры. Энтузиазма это у нас никакого не вызвало, но приказ есть приказ. Видимо, наша братская интернациональная помощь должна была заключаться не только в поиске полезных ископаемых, но и в обучении рабочим профессиям наших монгольских друзей.

Выяснилось, что местные кадры у нас будут работать водителями и полевыми рабочими.

Мне в отряд дали одного водителя на ГАЗ-66, одного – на “уазик”, и ещё дали одного рабочего. По-русски ребята говорили, мягко говоря, плоховато. Но я уже сам мог говорить немного по-монгольски, кое-что понимал. Они тоже простейшие русские слова знали. Поэтому общались нормально.

23 мая мы получили из ремонтных мастерских подлатанный “уазик”. Загрузили продукты и несколько дополнительных палаток в ГАЗ-66. В “уазик” – за заднее сиденье – загрузили только что полученные дефицитные батарейки для приборов и пару отремонтированных накануне радиометров.

Пришла пора выдвигаться.

На получение всего вышеперечисленного, на оформление кучи документов ушёл практически весь день. Мы прикинули, что двести километров преодолеем за четыре с половиной часа, поэтому решили выехать не позже четырёх. Примерно так и получилось.

Перед самым отъездом я зашёл в контору. В приёмной начальника экспедиции секретаршей работала его жена, честно говоря, имени-отчества не помню. Была она женщиной доброй. Годиков ей было уже немало. Почему-то она меня привечала. Мне нужно было подписать какую-то бумагу, и я минут пятнадцать сидел в приёмной, ждал, пока начальник экспедиции освободится.

Пока сидел, делать было нечего, я смотрел по сторонам. Обратил внимание на объявление на стене: “Наш телефон...” Там был, по-моему, четырёхзначный номер телефона, видимо, приёмной. Не знаю почему, но я вынул свою пикетажку (пикетажка от слова “пикет” – блокнот для записи геофизических данных на маршруте) и записал этот номер.

Я работал в Монголии не первый год, знал прекрасно эту базу. Почему мне пришлось в голову записать телефон – не знаю. Связь у нас всегда была по радию. Два раза в сутки (в восемь утра и в восемь вечера) каждый начальник отряда, где бы он ни находился, должен был выйти в эфир, связаться с Ховдом, а если требовалось, и с Улан-Батором, и доложить, как идут дела.

Кстати, позывные были такими: “Озеро” – экспедиция и база экспедиции в Улан-Баторе. “Озеро-1” – Ховд. А дальше шли отряды: “Озеро-2” – лётный отряд, “Озеро-3” – первый наземный отряд, “Озеро-4” – второй наземный отряд и так далее. У меня всегда был позывной “Озеро-3”. Ну, это так, к слову.

Получив свою бумагу, я пошёл к гаражу.

С моим новым монгольским водителем я познакомился два дня назад. Накануне весь день я смотрел, как он ездит. Это меня, мягко говоря, не вдохновило. И даже дело не в том, что вёл он не очень уверенно, меня “убивала” одна особенность, которую я замечал, кстати, за многими монгольскими водителями. Может, от привычки скакать на коне, а может, по какой-то другой причине его левая нога, которая обычно должна находиться на полу рядом с педалью сцепления, была под сиденьем. Педали сцепления, газа и тормоза он всегда нажимал только правой ногой. Но это же УАЗ-469, автоматической коробки передач у него нет, нужна и “перегазовка”, и, когда с места трогаясь, нужно одной ногой нажимать на сцепление, а другой давать газку. Может, когда трогался, он так и делал, но когда просто ехал, левая его нога совершенно точно была под сиденьем.

Ну, да ладно.

Тронулись.

Километров сто проехали хорошо. Миновали кочкарник вдоль озера Хубсугул, какой-то небольшой населённый пункт. Впереди показалась красночёрная гора. Это было очень приметное место. Вытянутая на фоне неба гора казалась как будто рассечённой по диагонали: левая часть – чёрная (это были базальты), а правая – красная (это были граниты). Очень красивое было место.

За горой – излучина речушки, в которой водился хариус. Мы часто там останавливались, закидывали спиннинги – мы их всегда возили с собой.

И сейчас остановились, сделали несколько забросов, но увидели, что вода мутноватая. Видимо, недавно прошли дожди. Поэтому решили здесь не задерживаться. Нам ещё оставалось езды где-то часа на два-два с половиной.

Я сидел на переднем пассажирском сиденье. Дорога была довольно тряская. Я держался рукой за ручку, приваренную к “торпедо” “уазика”. Сзади телепался, подпрыгивая до потолка, монгол-горнорабочий. Геолог Коля Исавев ехал в ГАЗ-66. За рулём там тоже был местный товарищ, но они, похоже, от нас отстали.

Ехали мы, понятное дело, не по асфальту. Дороги почти везде только грунтовые. Иногда довольно хорошие. Можно развивать скорость почти до ста километров. Больше “уазик”, правда, и не вытягивал. Часто встречалась гребёнка. На большой скорости и по ней проскакивали неплохо...

Когда мы отъехали от базы километров на тридцать, я попросил остановиться. Вышел и по старой привычке обошёл машину, потрогал ступицы. На передних колёсах они были горячие, но не сильно. Я знал, что на машине поменяли колодки. Механики должны были их отрегулировать, но меня всё-таки что-то смущало.

На стоянке за горой я спросил у водителя: “Ты можешь немножко свести колодки? Знаешь, как это делается?”

Он уверенно закивал головой, взял ключ, залез под машину, немножко там пошурудил, и мы поехали дальше. Проехав несколько километров по кочкарнику (по нему мы ехали на второй скорости), мы выбрались на основную трассу.

Основные трассы в Монголии – довольно интересное явление, потому что это скорее не дороги, а направления. В Монголии много степей и равнин, поэтому дорога, обозначенная на карте одной линией, на местности представляет собой полосу иногда километра в четыре. В этой полосе больше сотни колеёв, можно выбирать любую, какая больше нравится.

На небольшом перевале той самой чёрно-красной горы было сужение – всего лишь одна накатанная дорога. Когда мы выскочили на неё, я заметил, что водитель поддал газку. Скорость было километров пятьдесят в час. Он явно собрался перейти на четвертую скорость, потому что рука его лежала на рукоятке переключения...

Всё произошло в одно мгновение.

Мне показалось, что машина как будто на долю секунды упёрлась во что-то невидимое. Потом “уазик” пошёл на кувырок через радиатор. Честно скажу, несмотря на то, что длилось это считанные секунды, я очень хорошо помню, как мы перевернулись раз, пошли на второй кувырок... Помню, что я, видимо машинально, сгруппировался. Рукой я держался за вышеупомянутую ручку, а голова была где-то в коленях.

Когда машина пошла на третий кувырок, в голове у меня не пронеслась, как обычно пишут, а довольно спокойно возникла мысль: “Скорей бы всё это закончилось!”

Закончилось буквально через секунду.

Как потом я понял, между вторым и третьим кувырком меня выбросило из машины. Я пролетел вперёд, пропахав мордой и брюхом кусты верблюжьей колючки. Машина сделала ещё один кульбит и встала на четыре колеса буквально в метре от меня.

Я вскочил (если быть честным, встал), весь ободранный, лицо в крови. Но при этом понимаю, что вот стою. Чувствую, правая рука не двигается. Почему-то она стала длинной. Кисть висит ниже колена. Но это всё я заметил, так сказать, на ходу, потому что услышал, что мотор машины продолжает работать.

Я обежал машину. Водитель сидел за рулем весь в крови, но живой. Я крикнул ему: “Глуши мотор!”

Он не отреагировал.

Тогда я просунул левую руку и выключил зажигание. Мотор заглох. Второй боец-монгол сидел метра в десяти, раскачивался и стонал. Я не понял – то ли он уже успел выйти из машины, то ли его тоже выбросило.

“Уазик” с разбитым капотом, выбитыми фарами, полностью смятым брезентовым тентом и стойками, стоял на четырёх колёсах. Подъехал Коля на ГАЗ-66, выскочил из машины: “Что случилось?”

Я показал на “уазик”:

“Да вот, перевернулись”.

А он смотрит и не понимает: машина стоит на колёсах, а то, что нет верха, тента, он не сразу заметил. Наконец, до него дошло. Стали вытаскивать водителя-монгола. Увидели, что у него здорово разбита голова и течёт кровь. Коля побежал за аптечкой, достали бинт, вату, перебинтовали рану, что есть силы. У второго кровь текла откуда-то из предплечья, но не сильно.

Тут уже я начал командовать:

“Коля, оставайся у машины, там всё-таки приборы”. Обратился к парнишке-монголу: “Можешь подняться? Давай в кузов”.

Он полез в кузов ГАЗ-66. Монгола-водителя, который был в сознании и мог передвигаться, хотя видно было, что он не в себе, посадил на пассажирское место. Сам заскочил в кузов, сказал водителю “ГАЗа”: “Гоним обротно в сомон”.

До сомона было километров тридцать. Приезжаем туда, оказывается, там был медпункт. Монголка, медсестра или врачиха, кинулась ко мне. Я сказал, что со мной делать ничего не нужно – помоги парню-монголу. Она сняла с его головы намокшую от крови повязку. Я увидел сквозь кровь кость черепа. Мне стало не по себе. Она стала накладывать новую повязку.

Я спросил: “Есть у вас телефон?”

Телефон был.

Из своей полевой сумки достаю пикетажку, в которой записал номер телефона приёмной экспедиции, смотрю на часы: ровно семь. Молю Бога, чтобы кто-нибудь оказался в конторе.

Трубку снимает жена начальника экспедиции. Я ей говорю: так и так, попали в аварию, у меня что-то с правой рукой, монголу плохо, у него, похоже, пробита голова, второй тоже ранен, но видимых переломов нет. У разбитой машины в тридцати километрах от сомона оставил Исаева.

Она заохала, запричитала, попросила узнать номер телефона, с которого звоню. Я назвал. Она сказала, чтобы я находился рядом с телефоном, сейчас мне перезвонят. Через десять минут раздался звонок, сказали, что к нам летит (оказывается, в этом сомоне был маленький аэродромчик, но это не проблема, потому что там почти в любом месте можно посадить самолёт) борт Ан-2.

Потом нас загрузили в самолёт, мы прилетели в Ховд. Там нас на машине быстро отправили в городскую больницу.

У парня-водителя начали обрабатывать рану – вынули осколок кости, а потом без затей – без наркоза – стали зашивать рану. Нужно отдать должное монгольскому парнишке – эту экзекуцию он перенёс мужественно. Затем его увели в палату.

Второй монгол почти не пострадал, только небольшие царапины.

Врач, который, как оказалось, учился в Союзе, пощупал мою руку и сказал: “У тебя вывих, сейчас будем вправлять”.

Вправлять так вправлять.

Потом добавил: “Но сначала сделаем укол”.

На стене висел деревянный шкафчик со стеклянными дверцами, весь засиженный мухами. На одном из стёклышек был нарисован красный крест. Врач открыл эту дверцу, достал оттуда нечто, завернутое в очень несвежую, когда-то, видимо белую тряпку, развернул её, и я увидел шприц. А я уже читал и слышал о СПИДе! Наверное, этим шприцем разве что прививки овцам не делали, а теперь вот мне будут делать укол.

Я сказал: “Нет, не надо укола”.

Врач предупредил: “Будет очень больно”.

Я ответил:

– Ничего, потерплю.

– Как хочешь.

Всё это происходило в комнате с кафельным полом. Наверное, то была процедурная. Он обратился к санитарке по-монгольски, и она принесла байковое вонючее одеяло, постелила на пол. Врач сказал, чтобы я ложился. Я лёг. Он сел с правой стороны от меня, лицом ко мне, стал снимать ботинки. Я уже сказал, что одеяло было не первой свежести, но когда он снял ботинки, атмосфера в комнате совсем сгустилась.

Я не понимал, что врач собирается делать, пока он не начал пристраивать свою ногу мне подмышку. Двумя руками он взялся за кисть моей правой руки и предупредил: “Держись!”

И что есть силы дёрнул.

Похоже, я на долю секунды потерял сознание.

Врач встал, что-то потрогал у меня на плече, остался недоволен и снова стал присаживаться.

Тут, на счастье, прибежал с базы наш штатный отрядный медсанбрат Мишка Мазуренко. У него по-деловому через плечо была перекинута брезентовая сумка с красным крестом, в которой он всегда носил какие-то лекарства.

– Что вы тут делаете? – спросил он строго у врача-монгола.

– Да вот, вправляю.

Мишаня посмотрел на меня. По его глазам я понял, что выгляжу, мягко говоря, не очень.

Врач ещё раз упёрся правой ногой мне в подмышку, взял меня за кисть и дёрнул.

Я вспомнил, как минут пятнадцать тому назад по живому, без всякой анестезии зашивали кожу на голове водителя. Тот не проронил ни звука. Я тоже стиснул зубы, но сознание, похоже, опять потерял. Потом услышал спокойный, но не терпящий возражений голос Мишани: “Знаете что, завтра утром прилетит борт из Улан-Батора. Серёгу повезут в советский госпиталь. Я думаю, потерпит он до утра”. Я с благодарностью посмотрел на Мишаню. Потом меня отвезли на нашу базу.

Я пошёл ночевать к своему приятелю – водителю из автопарка – Коле Довбенко. Я у него часто останавливался, когда был в Ховде. Вечером приехал начальник экспедиции, сказал, что заказал транспортный борт Ан-24. Утром меня отправят в Улан-Батор. Рассказал, что, похоже, дело действительно в колodках. Машину уже везут обратно, говорят, что заклинило переднее левое колесо.

Наверное, так и было. Я помню, что мы пошли на кувырок через левое переднее колесо.

Потом начальник экспедиции спросил у меня: “Как ты догадался по телефону позвонить?”

Я рассказал.

Дело в том, что если бы я сообщил про это ДТП по радию (впрочем, рация была только в отряде, а мы туда не доехали), то об этом уже знало бы всё начальство, потому как всё, что говорится в эфире, прослушивается. А я звонил по внутренней монгольской телефонной связи. Так что никто, кроме начальника экспедиции, не узнал об этом ЧП. Как я понял, он и не хотел, чтобы эта история стала достоянием широкой аудитории.

Но и я тоже не был особенно в этом заинтересован. Пожав мне с чувством левую руку, начальник экспедиции ушёл.

Ночью я, помню, не спал.

Утром прилетел борт. Через три часа приземлились в Улан-Баторе.

На поле уже стояла “скорая помощь” из нашей советской больницы. Меня отвезли туда, сделали рентген. Врачи, рассмотрев снимки, долго качала головой и удивлялась: “У вас вообще-то ключица сломана и порваны связки. Я всякие травмы видела, но такой измочаленной связки я никогда не видела”.

Я удивленно спросил:

– Разве у меня не вывих?

– При чём здесь вывих? У вас связка порвана.

Я рассказал, как монгольский врач вправлял мне вывих.

Меня запаковали в гипс.

Поздно вечером 24 мая я был у себя в улан-баторской квартире.

На следующий день – 25 мая 1989 года, в 14 часов по местному времени, счастливый, весь в гипсе, лёжа на родном диванчике, я смотрел в прямом эфире открытие первого Съезда народных депутатов Советского Союза.

Иногда мечты действительно сбываются!

Хотя и не совсем так, как нам хочется...

6. В пустыне Гоби

С 1981-го по 1983-й я работал в пустыне Гоби. База наша находилась в городе Сайшанде. Она представляла собой снятые с колёс и врытые в землю вагончики, а также несколько щитовых сборных домиков.

Стояли мы около железнодорожной ветки, по которой на моей памяти ни разу не прошёл ни один поезд. За веткой, примерно в двух километрах, находился “Северный городок” – советская воинская, по-моему, танковая, часть.

Гоби на самом деле не очень похожа на типичную пустыню. Когда мы слышим слово “пустыня”, сразу представляем песчаные барханы и, вообще, песок. А пустыня Гоби каменистая. Она абсолютно плоская, растительности никакой. Галька не только разного размера, но и разного состава.

Кстати, однажды, проезжая, как говорится, “из пункта А в пункт Б”, мы вдруг увидели ярко сверкающее разноцветное пятно впереди по курсу. Дорог в Гоби практически нет. В любом месте можно ехать со скоростью километров

80–90, не боясь ни оврагов, ни каких-либо ям – абсолютно ровная, усталая галькой почва. Так вот, это яркое пятно оказалось сердоликовой галькой.

Сердолик (означает “камень из Сарды”, столицы древней Лидии) – жёлто-красно-оранжевого цвета в диаметре от сантиметра до трёх. Большинство камней, особенно на поверхности, отполировано тысячелетиями песком до зеркального блеска. Многие имеют абсолютно правильную форму шара. Если набрать таких “бусин”, просверлить в них отверстия, то действительно будут готовые бусы.

Площадь этого “пятна” составляла несколько десятков квадратных километров, а мощность (толщина) слоя гальки – от пяти до сорока сантиметров. Можно сказать, целое месторождение готовых бус из сердолика.

Из живности в Гоби встречались дикие верблюды, иногда небольшие табуны лошадей Пржевальского, тоже диких. Много было дзэренов. Дзэрен – разновидность сайгаков. Может, это местное название сайгака. Из “мелочи” водились пустынные зайцы. Чем они питались, абсолютно непонятно. Но пару раз где-то в небольших ложбинках или небольших норешках мы их встречали. А ещё в Гоби водятся очень милые и смешные ушастые ежи. И, конечно, змеи, самые разные: гюрза, кобра, песчаная эфа и ещё какие-то экзотические змеи.

Самой опасной у нас считалась так называемая “стрелка” – небольшая, очень тонкая змейка бежево-коричневого цвета, длиной примерно метр. Чувствуя опасность, она иногда с расстояния пяти метров взвивалась в воздух, струной летела на угрожающий ей объект (очень часто это мог быть человек) и вонзалась в лицо. Укус, как мы были уверены, у неё смертельный. Хотя, если честно, на моей памяти ни разу никого эта змея не укусила. Наверное, это была легенда. Как она прыгала, мы видели, как кусала, не говоря о последствиях укусов, – никогда.

Гоби уникальна ещё и тем, что там я впервые узнал, что такое абсолютная тишина.

Представьте себе: температура воздуха под пятьдесят, а может и больше. Полный штиль, ветра нет, птицы не летают. Их просто нет. На тысячи километров в любую сторону никого. Самолёты тоже не летают, населённых пунктов нет.

Приехав в какую-нибудь точку на маршруте, слышишь только шорох камушков под ногами, когда идёшь, или своё пение. Очень часто хотелось услышать хоть какой-то звук, потому что это действительно неприятная штука – АБСОЛЮТНАЯ тишина.

Если остановиться, замереть, очень скоро начинаешь слышать своё дыхание, как бы ты тихо ни дышал, мельчайшие шумы от малейшего шевеления своего тела. Но больше ничего, абсолютно ничего.

Кстати, о температуре. Стандартная форма одежды для работы на маршрутах Гоби была такая. На голове – велосипедная шапочка с козырьком. Я всегда к этой шапочке пришивал вручную кусок материи, которая закрывала уши, причём в первом “поле” я для этого дела использовал кусок старой клетчатой зелёной рубашки. С лёгкой руки кого-то из отряда все стали называть такую шапочку “арафаткой”. На самом деле это было удобно, потому что без неё уши облезали струпьями – сгорали моментально. Итак, на голове у меня “арафатка”, ниже – прибор на лямках, надетых на голое тело, дальше – плавки и на ногах – кеды, кроссовок тогда мы ещё не знали. Так можно было ходить после того, как примешь первый солнечный удар (загар). Были мы все чёрные, как негры. Когда начинался полевой сезон (а начинался он обычно в апреле-мае), температура в пустыне уже была от сорока до пятидесяти градусов. Конечно, первое время сторожились, надевали рубашки, шорты, даже тренировочные штаны, чтобы не обгореть.

Однажды, по-моему, это случилось в 1982 году, угодил я в небольшой переплёт. Наука была мне на все остальные восемь лет работы в Монголии.

Меня должны были забросить на машине на одиночный маршрут. Там я должен был по компасу пройти по прямой около пятнадцати километров, через каждые пятьдесят метров делая замеры спектрометром. В конце маршрута меня опять должна была подобрать машина. Это было начало сезона.

Я прикинул, что работы максимум часа на два с половиной – три. Так мы с водителем и договорились. Я решил, что как раз эти два-три часа я и позагораю. Поэтому оделся по той форме, которую описал. То есть практически в одних плавках и в кепочке пошёл на маршрут.

Часа через два с половиной я был в той точке, куда должна была приехать машина. Высадили меня часов в девять утра. В половине двенадцатого я был на точке. Забегая вперёд, скажу, что машина за мной приехала... в девять вечера.

Ни кустика, ни холмика, от жгучего солнца спрятаться негде. Единственное, что я догадался сделать, – снять кошму со спектрометра. Прибор был обёрнут кошмой, чтобы “держать” температуру.

Я распорол кошму, получился кусок войлока длиной сантиметров в шестьдесят или восемьдесят, шириной сантиметров тридцать. Вот этим куском поочередно я и прикрывал то спину, то грудь, то колени. И всё равно, конечно, обгорел сильно.

Вечером, когда приехал в лагерь, поднялась температура, весь покрылся волдырями. Одним словом, воспоминание не из приятных. Зато больше никогда я в маршрут не выходил без робы. Жарко ли, холодно ли – всегда с собой рюкзачок, в котором всё, что необходимо на любые непредвиденные случаи: одежда, спички, фляга с водой, небольшое НЗ из продуктов, небольшая аптечка, трос и так далее. Как говорится, своя ноша не тянет.

Случились со мной в Гоби три интересные истории.

Наверное, действительно, они тянут на то, чтобы назваться историями, потому что в прямом смысле слова две из них с историей как раз и связаны. Но сначала расскажу об одном интересном эффекте, который часто можно было наблюдать в Гоби и вообще в пустынях. Это мираж.

Считается, что мираж – это индивидуальное свойство оптического обмана и, возможно, сознания конкретного человека.

Но вот чему я был однажды свидетелем.

Ехали мы как-то то ли на маршрут, то ли с маршрута на ГАЗ-66. Кузов был покрыт брезентовым верхом. Там у нас стояла одна бочка с бензином, а вторая – с водой. Между кабиной и кузовом был сделан деревянный помост, чтобы не прогнуть крышку аккумуляторного ящика и не замкнуть сам аккумулятор. К крыше кабины со стороны кузова были приварены две обыкновенные дверные ручки.

Дело в том, что под брезентом ехать было просто невозможно. Во-первых, из-за жары и духоты, а во-вторых, из-за пыли. Обычно в ГАЗ-66 ездили либо втроём (это комфортный вариант), либо впятером (это уже было не так здорово).

“Впятером” выглядело так. В кабине двое: понятно, водитель и, обычно, геолог, который сидел на пассажирском месте; третий сидел между водителем и пассажиром на двигателе, а двое стояли на аккумуляторном ящике, на этом самом помосте за кабиной, держась за ручки, приваренные к крыше кабины. Вдвоём стоять было можно, но немножко тесновато. Поэтому, как я сказал, пятеро – это не лучший вариант, а трое – самое то.

И вот однажды едем мы, как сейчас помню, с геологом Славой Татауровым из Зеленогорской экспедиции (город Свердловск). Водителя, по-моему, звали Лёшкой, а я, геофизик, стою на аккумуляторном ящике. Приборы лежали в ногах у Славки. Я ехал налегке. Сверху было всё хорошо видно. Ветерок, несмотря на то, что очень тёплый, создавал иллюзию прохлады, одним словом – лафа. И вот мы едем по дороге с хорошей скоростью – километров 60–70. Вокруг абсолютно ровная, как стол, местность.

Вдруг я вижу, что слева от нашего маршрута движения, километрах примерно в пятнадцати, виднеется огромное-огромное озеро. Причём я явно вижу воду, которая сверкает на солнце. Более того, вижу полоску зелёных камышей на берегу. Но это ещё не всё, я даже чаек вижу, которые носятся в воздухе над этим озером.

Я знаю, что вроде бы вокруг нет никаких озёр (озеро в Гоби – это вообще нонсенс). Нет даже болот, или такыров, как их здесь называют. Они в сухое время года представляют собой потрескавшуюся глинистую почву, а после дождей превращаются в небольшие озерца. Не дай Бог туда заехать на машине – вытащить будет практически невозможно.

Так вот, вроде бы ничего такого на карте нет. И вот едем мы десять минут, пятнадцать, полчаса – озеро не исчезает. Напротив, такое ощущение, что линия берега то приближается, то удаляется, то есть не просто идёт параллельно нашему движению, а как будто у этого озера изрезанный берег.

Через полчаса я постучал по кабине.

Машина остановилась.

Славка из кабины прокричал: “Что, озеро видишь?”

Я удивился, думал, что только я вижу. Оказывается, уже полчаса они с Лёшкой спорят: мираж это или действительно озеро? То есть, видим все трое и, что интересно, все одинаково: и синюю воду, и зелёные камыши, и даже чаек. Это был уже мой второй сезон в Гоби. Ко всяким миражам, в том числе озёрным, я привык, но тут явно что-то было особенное.

После короткого “ругательного” совещания принимаем решение километров пять проехать в сторону озера и посмотреть – будет оно приближаться или будет удаляться?

Поехали.

Кончилось тем, что проехали мы не менее двадцати километров. После каждых пяти километров мы начинали горячо спорить: приблизилось или, наоборот, удалилось озеро? Или осталось на месте? У меня сложилось впечатление, что у нас на троих было примерно пять точек зрения на эту проблему.

Отмахав от намеченного маршрута километров двадцать, окончательно убедившись, что никакого озера нет и в помине, чертыхаясь и выслушивая проклятия Лёшки, который начал говорить, что теперь бензина может не хватить до базы, мы поехали дальше.

Должен сказать, что более красивого, я не побоюсь этого слова, прекрасного миража в своей жизни я больше никогда не видел.

А теперь другая история...

Начало примерно такое же, только ехали мы на этот раз в кунге – внутри фургона ГАЗ-66. Кроме пешеходного спектрометра у нас был автогаммаспектрометр, который был установлен на автомобиле. Он фиксировал не только радиоактивность, но ещё помогал понять, чем радиоактивность вызвана: наличием урана, калия или тория. Базой для автогаммаспектрометра был военный топопривязчик, установленный на ГАЗ-66. Тогда не было ещё никакого GPS, но, тем не менее, используя принцип и свойства гироскопа, в этот прибор можно было заложить стандартный планшет. Обычно мы использовали карты Генерального штаба стотысячного масштаба. Это позволяло “привязаться” на местности стандартными способами. Надо было определить абсолютно точный ориентир на местности, поставить грифель, зажатый в специальный курсор, на эту точку, запустить по специальной программе топопривязчик, а дальше грифель рисовал в точности все перемещения машины в пространстве. В любой момент можно было понять, где мы находимся.

Но это я отвлёкся.

Итак, ехали мы, как всегда, из пункта А в пункт Б. Скорее всего, меняли лагерь. На дальние расстояния мы ездили в основном тогда, когда меняли место базирования.

И вдруг в окно увидели нечто странное.

Дело в том, что в той части Гоби, где мы тогда работали, пустыня была чёрной. В любом месте, где бы мы ни остановились или где бы ни шли пешком, вся поверхность была покрыта острыми кусками базальта чёрного цвета. Кстати, рядом с базальтом всегда можно было найти агаты. И вот это огромное базальтовое плато площадью в несколько сотен квадратных километров, если не больше, мы и пересекали.

Справа по курсу мы увидели довольно большое рыжее пятно. Показалось, что по центру пятна лежит огромный валун такого же цвета. Но на самом деле это был абсолютный нонсенс. Никаких валунов в Гоби мы никогда не видели. Естественно, мы повернули посмотреть, что это такое?

Подъезжаем и действительно видим разбросанные куски жёлто-бежевой породы. Мы сразу поняли, что это кремень на площади примерно 250–300 квадратных метров. Пятно представляло собой круг или овал. Почти посередине его находился огромный валун. Но он был не из кремния, а, если мне не изменяет память, из чего-то похожего на песчаник. Интересной была и форма этого камня. Больше всего он напоминал стол овальной формы с практически плоской поверхностью. И вдруг кто-то из нас поднял несколько кусков кремния и с удивлением обнаружил, что это не что иное, как заготовки, полуфабрикаты. Или для наконечника стрелы, или для скребка, а может, и для ножа. Мы разбрелись по этому пятну и стали находить всё новые

и новые уникальные изделия из кремния. Тогда мы поняли, что мы находимся на месте стоянки первобытных людей, вероятно, по времени относящейся к эпохе неолита. Понятно, что и этот стол-верстак для работы, и сам исходный материал был сюда привезён. Мы прекрасно знали геологию примерно в радиусе тысячи километров – ни песчаника, ни кремния здесь и в помине не было.

И нарисовалась вот такая картина...

Когда-то, может, пять тысяч лет назад, а может, и десять древние люди здесь разбили лагерь.

Стояло племя здесь довольно долго, может быть, несколько лет.

Мы находились, видимо, в бывшей мастерской по производству каменных орудий. Как я уже говорил, Гоби – каменистая пустыня, ветер и песок вымывают всё, что лежит на поверхности. Ничего не заносит. Кстати, и на развалинах монастырей мы часто находили монеты, различные фигурки из бронзы. Они просто лежали на поверхности, иногда отполированные песком.

Я уже говорил, что в Гоби стоит абсолютная тишина.

Подняв с земли один из самых удачных по форме и исполнению наконечников для стрелы, держа его в руках, я ясно себе представил, как, допустим, десять тысяч лет назад по какой-то причине люди встали и ушли с этой стоянки. Они оставили здесь и полуфабрикаты, и готовые изделия, и этот огромный верстак и больше сюда не вернулись. А следующие люди, которые пришли сюда, – это были мы. И все эти десять тысяч лет здесь было такое же безмолвие. Так же палило солнце. Небо было такое же синее, только иногда шумел ветер. Вот такая необычная, в прямом смысле слова, связь времён. Ощущение этого прикосновения к вечности я помню до сих пор.

А вот ещё одна “историческая” история, тоже случившаяся со мной в Гоби.

... Эту находку, к сожалению, сделал не я.

Я даже не помню, кто, но началось это так...

Мы находились в лагере. Он, как обычно, представлял собой “костровище”, квазовозку (самая обычная бочка на колёсах, с надписью на боку “КВАС”, в ней мы возили воду), раскладушки, на которых лежали спальники. В Гоби мы почти никогда палатки не ставили. Это не имело смысла: дождей нет. Спали под открытым небом. Кстати, звёздное небо в Гоби потрясающе красивое – звёзды низко, такое ощущение, что можно руку протянуть и срывать одну за другой.

В те сезоны у нас была интересная традиция-хохма. Перед сном, предварительно посидев у костра, попив чайку, переговорив обо всём на свете, мы ложились поверх спальников на раскладушки. Кто курил – тот курил, естественно, продолжали разговаривать обо всём на свете: о жизни, о геологии, о книгах, о предстоящей работе, о каких-то приключениях, которые с кем-то из нас были в прошлом.

Разговоры длились всегда до одного чётко обозначенного во времени момента. Дело в том, что, глядя в звёздное небо, мы видели очень много пролетающих спутников. Иногда, особенно в августе, начинался звездопад, и мы наперебой кричали, показывая друг другу, в какой стороне “падает” самая красивая звезда – метеорит.

Но ровно в 0:45, как сейчас помню, летел один особый спутник. Дело в том, что практически все спутники летели в широтном направлении, условно говоря, с запада на восток, или наоборот, точно не помню. А в 0:45 каждую ночь появлялся спутник, который пересекал траектории всех остальных. С чьей-то лёгкой руки мы называли его “летающий на Сайгон”. И по какой-то, непонятно откуда возникшей традиции, дождавшись “сайгонского спутника”, мы говорили: “Ну, всё, отбой, пора спать”.

Когда кто-то очень хотел что-то рассказать, его обязательно предупреждали: “Только смотри, постарайся успеть до “сайгонского спутника”. После него – отбой”.

Но это так, к слову.

Однажды, вернувшись с маршрута, мы сидели в лагере, ждали остальных. Приезжает машина, из неё выскакивают возбуждённые коллеги, начинают наперебой что-то рассказывать, махать руками. Толком ничего не понимая,

мы садимся в кунгу ГАЗ-66 и едем куда-то вместе с ними. Ехать оказалось не очень далеко, примерно километров пятнадцать.

В том месте, не очень типичном для Гоби, были небольшие горушки, изрезанные сухими руслами, оврагами. Были эти горки высотой метров тридцать-сорок, не больше.

Бросив машину в том месте, куда смогли доехать, ещё километра два пройдя пешком, мы приблизились к пещере.

Пещера, как потом выяснилось, имела три “комнаты”, если можно так сказать. Первая — “прихожая” — была хорошо освещена. На самом деле это была ниша в скале. Из неё было проделано естественным путём отверстие во вторую “комнату”, там света было поменьше. С левой стороны от второй “комнаты” находилась совсем маленькая пещерка, вход в которую (мы долго спорили: естественный он или искусственный) уж больно был похож на дело рук человеческих. В третье пещерное помещение свет попадал едва-едва. Но всё равно, немножко постояв и присмотревшись, можно было всё рассмотреть.

И вот что нашли наши ребята.

Посередине третьей пещеры стоял огромный деревянный сундук. Дерево, из которого он был сделан, местами истлело. Сундук был набит древними тибетскими манускриптами, в переплётах из буйволиной или какой-то другой кожи, натянутой на деревянные дощечки. Переворачивая страницы, мы пришли к выводу, что все эти книги рукописные, а не напечатанные. Они были исписаны вертикальной вязью древних монгольских или тибетских букв.

Но это было не главное. На противоположной от входа стене, на одинаковом расстоянии друг от друга, как в ружпарке, стояли три кремневых ружья с толстыми шестигранными стволами, с курками, в которых специальным приспособлением зажимался фитиль. В одном из ружей этот фитиль сохранился, и кремни были зажаты специальными щипцами. У ружей когда-то были приклады, но они истлели. Все три ружья стояли как бы в “горке” из древесной трухи.

Конечно, мы тут же начали спорить: кто это оставил, как всё здесь было?

И ящик, и ружья мы вытащили.

Должен сказать, что те, кто первыми сюда вошли, правильно сделали (по крайней мере, благородно), что сразу всё это не взяли, а решили показать нам. Это их решение потом сыграло свою роль в дальнейшей судьбе этих реликвий.

Приехав в лагерь, мы внимательно рассмотрели содержимое сундука и ружья. Конечно, тут же нашлись желающие заполучить эти ружья себе в коллекцию реликвий из Монголии. Честно говоря, мы знали, что ничего вывозить нельзя, но народ легкомысленно полагал, что как-нибудь да удастся. Но таких “коллекционеров” было меньшинство. Большинство же настаивало на том, что сундук с письменами и ружья нужно обязательно отвезти в Улан-Батор, передать в исторический музей.

Разгорелись жаркие споры.

Аргументы тех, кто хотел забрать себе и письмена, и ружья, были очень простыми: мы нашли, о них никто не знает, пускай будут у нас. Я поддерживал тех, кто настаивал, что всё это нужно обязательно отдать историкам в музей.

Наконец, был найден компромисс. Он заключался в том, что надо отдать в музей все письмена и одно ружьё, а два ружья оставить себе. Но тут я привёл, неожиданно для себя, убийственный аргумент: надо обязательно отдать всё как есть. Более того, отметить на карте место, где мы это нашли. Может быть, даже нарисовать (сфотографировать мы не догадались), как всё это было найдено.

Я сказал: “Представьте себе, а вдруг у монголов есть легенда о том, что какие-то три богатыря (как у нас — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович) или три монаха сохранили буддистские древние книги? А наша находка как раз подтверждает, что это не легенда, а самая настоящая быль!”

Надо сказать, аргумент подействовал. Но потом мы начали опять спорить: как эти письмена-иероглифы оказались там, почему за ними никто не пришёл, почему они столько лет там пролежали. Спорили и о том, сколько именно лет они пролежали.

Кремнёвые ружья использовались в средние века. Но, учитывая отдалённость этого региона, ими могли здесь пользоваться и в девятнадцатом веке.

Нам хотелось думать, что этим находкам несколько сотен лет. Но здравый смысл подсказывал, что, скорее всего, они относятся к восемнадцатому веку.

Лично у меня есть на этот счёт собственная гипотеза.

И она как раз про трёх монахов.

... Три монаха по какой-то причине то ли странствовали, то ли бежали из отдалённых монастырей. Такое случалось во все времена. И вот они нашли (а может, она ими заранее была вырублена) эту пещеру. Они сложили самое ценное, что у них было, в ящик, поставили аккуратно три ружья, вышли из пещеры и пошли, может быть, на охоту, а может быть, за водой, а может, ещё куда-то. Но их внезапно схватили. Может быть, те, кто их схватил, знали, что они где-то прячут письма, может быть, не знали, но в любом случае, найти это место им не удалось.

То есть опять получилось, как со стоянкой первобытных людей. Вышли сто или двести лет тому назад трое монахов, а может, даже не монахов, а крестьян из этой пещеры, оставили свои драгоценные реликвии, ружья, а следующими, кто вошёл в эту пещеру, спустя много-много лет, оказались мы.

Вот такая связь времён.

А сколько ещё тайн хранит пустыня Гоби?

7. Начальник лётного отряда

Все годы в Монголии я работал геофизиком в наземном отряде.

Наша задача была проверять аэроаномалии. Они обнаруживались специальными приборами – аэрогаммаспектрометром и магнитометром, установленными на обычном “кукурузнике” – самолёте Ан-2.

В аэропартии был элитный, как мы его называли, лётный отряд. Очень многое зависело от этого отряда. Сколько “квадратов” они налетают в сезон, не говоря об аномалиях. Потому что летали они над территорией абсолютно неисследованной. Чаще всего она была совершенно “пустой”. Иногда же попадались редкие, уникальные аномалии (когда “звонит”, как мы говорили). Они, эти аномалии, могли в конечном итоге вывести на настоящее месторождение.

Начальником лётного отряда все эти годы был Толя Степанищев. К сожалению, он погиб несколько лет назад в Екатеринбурге в нелепой автомобильной катастрофе. Человек был золотой. Его жена, Галя Степанищева, работала в Улан-Баторе в камералке вместе с другими жёнами наших полевиков. Она как раз занималась разноской оцифровки и подготовкой карт содержания радиоактивных элементов.

И вот однажды, по-моему, это было в году в 1985-м или в 1986-м, почему-то точно не могу вспомнить, но помню, что в начале августа после дня ВДВ (2 августа) меня срочно из нашего наземного отряда вызывают в Улан-Батор, причём причину не объясняют.

Я прилетаю.

Руководство экспедиции и аэропартии извещают меня, что Толя Степанищев по семейным обстоятельствам срочно должен уехать в Союз, а я до конца сезона назначаюсь исполняющим обязанности начальника лётного отряда. Честно говоря, это решение вызвало у меня удивление и, прямо скажем, не обрадовало.

Дело в том, что у нас были тёплые, дружеские отношения с бортоператорами – “Шурцами”, – с экипажем. Бортоператорами в аэропартии работали Саша Шевела (Царство ему Небесное) и Саня Куксов. Они всегда держались вместе, поэтому и кличка у них была общая – Шурцы.

Да почти всех из лётного отряда я хорошо знал, но я прекрасно понимал, что логичнее было бы назначить и. о. начальника лётного отряда кого-то из бортоператоров, из Шурцов. Но, наверное, начальство рассудило иначе. Бортоператоры должны непрерывно летать, а кто-то должен организовывать всю деятельность лётного отряда, заниматься хозяйством, самое главное – добиваться выполнения плана. И почему-то решили, что старший геофизик наземного отряда, то есть я, безусловно, с этими задачами справится.

Выслушав напутственные слова начальника аэропартии: “Ты там подтолкни ребят, а то уже неделю не летают – то на погоду ссылаются, то ещё на что-то, похоже, нет у них трудового энтузиазма. А план надо выполнять!”, – на перекладных поехал я в место расположения лётного отряда.

Когда приехал в отряд (а там уже знали, что к ним едет “ревизор”), то застал такую картину.

Лагерь, как обычно, представлял собой три щитовых домика, несколько вагончиков — они стояли прямо на колёсных шасси. Колёса были вкопаны в землю, чтобы ветром не сдуло. Работал дизель, дающий электричество, естественно, рядом была взлётно-посадочная полоса. К счастью, в Монголии с этим проблем не было.

Лагерь встретил меня нерабочей тишиной и, прямо скажем, нетрезвыми, якобы радостными восклицаниями членов отряда. Это мне сразу, конечно, не понравилось. Начал принимать дела, осматривать, что называется, хозяйство. Заодно слушал невнятные пояснения Шурцов и других членов отряда. Увидел запертую дверь домика Петра Ивановича Коробицына — нашего фотолаборанта, на которой, естественно, висела табличка “Не входить! Идёт проявка!”

Я безошибочно определил, что источник “алкогольной радости” находится именно в этом домике. И не ошибся. “Гудел” отряд уже третий или четвёртый день, причём начали “гудеть”, когда не было погоды и отряд вынужден был “сидеть”. Но уже второй день погода была, а брагулька, похоже, не кончалась, и народ продолжал праздновать.

Когда зашёл к экипажу, увидел, что командир спит. Второй пилот (очень шепутой) радостно предложил мне выпить брагульки. Штурман сидел и меланхолично играл на гитаре. Судя по репертуару, ему было тоже “хорошо”, точно так же, как и Шурцам.

Бросив вещи, узнав, что с питанием, что с соляжкой, бензином, заслушав тех, кто не участвовал в затянувшемся пиршестве, я понял, что ситуация непростая. Отправив радиogramму, что я прибыл на место и принял управление лётным отрядом на себя, пошёл к домику Петра Ивановича. Сделал я это так, чтобы остальные члены отряда не видели. Уж не помню, как, и хитростями, и угрозами, я всё-таки добился, чтобы Пётр Иванович мне открыл.

Он был, прямо скажем, никакой. В большом фанерном ящике, на котором виднелась надпись “Фотохимикаты”, я обнаружил три сорокалитровых алюминиевых бидона. Один был с готовой брагулькой. Там содержимое оставалось примерно наполовину. Второй был недавно заправлен, и там только начинало пузыриться. Третий, видать, должен был поспеть к следующему дню.

Я очень строго сказал Петру Ивановичу, что погуляли и хватит, через месяц с небольшим погода испортится, пойдут дожди. Нужно успеть сделать план.

Мы вынесли к краю небольшого овражка все три бидона, и под горькие причитания Петра Ивановича я вылил всю брагульку в овраг.

Заперев Петра Ивановича (причём снаружи) в домике и тем самым избавив его от искушения немедленно побежать и рассказать о “несчастье” жаждающим добавки лёликам, я пошёл в домик к экипажу, где находились и Шурцы. Они как раз сидели и допивали то, что у них ещё было. Они мне предложили вместе пойти к Петру Ивановичу, взять у него ещё трёхлитровую баночку и как следует отпраздновать моё новое назначение.

Нужно сказать, что я за все мои восемнадцать полевых сезонов выработал одно очень хорошее правило. Когда выезжал в экспедицию, в поле, я устанавливал для себя абсолютно “сухой” закон. Позволить себе праздновать Новый год, День геолога, 7 ноября или Первомай я мог только, когда находился в городе — в Улан-Баторе — или в отпуске в Ленинграде, но никак не в “поле”.

Начинать воспитательную беседу с моими хорошими друзьями и приятелям, вместе с которыми я во время зимнего камерального периода душевно отмечал самые разные праздники, как сейчас помню, было непросто. Но я её начал.

Я сказал: “Мужики, кончаем валять дурака. Сегодня высыпайтесь. Если завтра (памятуя, что уже четыре дня экипаж “гуляет”) будете болеть — отдыхайте, но никакой опохмелки! Послезавтра вылет во что бы то ни стало. Я вас буду обеспечивать всем необходимым”.

Тут я услышал всё, что они обо мне думают. Очень много интересного я узнал о себе, о своих родственниках. Одним словом, хорошо всем известный набор аргументов людей, которым объявили, что праздник закончился. Кое у кого даже (после того, как я сообщил, что всю брагульку вылил в овраг)

возникло желание проверить, не растерял ли я десантные способности к самообороне. Этого мне простить никак не могли. Я очень быстро понял, что неформальным лидером и главным организатором такого “отдыха” был второй пилот.

Чувствуя, что страсти накаляются, предложил сделать следующее...

Нужно сказать, второй пилот был очень крепким парнем. А я уже несколько сезонов подряд усердно занимался тяжёлой атлетикой, или бодибилдингом, как сейчас принято говорить. У меня никаких гирь, правда, не было. Я делал хорошую зарядку, а вечером занимался на турнике. Из карданной трубы и из двух шарошек (шарошка – это буровое устройство) сделал себе нечто вроде штанги.

Памятуя о том, что в самых разных компаниях уже несколько лет я неизменно побеждал в борьбе на руках (сейчас это называется армрестлингом), я сказал: “Мужики, давайте так: мы сейчас со вторым пилотом садимся и боремся на руках. Если он побеждает – ставьте брагульку и пейте, сколько хотите. Но если побеждаю я – послезавтра вылет”.

Народ переглянулся, притих.

Посмотрели на второго пилота, на меня (внешне я явно проигрывал по комплекции), очень оживились и начали расчищать стол для предстоящего единоборства.

Проснулся командир экипажа. Он перевернулся к нам лицом, подпёр голову рукой, с интересом наблюдая за происходящим. Штурман уже давно не играл на гитаре, а Шурцы оживлённо бегали вокруг стола, готовя место поединка.

Конечно, я понимал, что рисковую. Но во-первых, чувствовал в себе огромную злость на тот бардак, который увидел, и огромное желание всё это прекратить. А, как известно, злость прибавляет силы. Во-вторых, я рассчитывал на то, что хотя, если судить по комплекции, второй пилот может быть и сильнее меня, но всё-таки я абсолютно трезв, вообще уже несколько месяцев веду абсолютно трезвый образ жизни, а он дня три или четыре “гудит”.

Но это всё была теория.

На практике через две с половиной минуты противостояния медленно (он сопротивлялся до последнего) я его положил правой.

Тут же было объявлено, что нужно померяться левыми руками. Если он меня положит левой, то будет ничья. Начали размышлять: что это будет означать? Решили, что в этом случае завтра они себе немного позволят, послезавтра передохнут, а послепослезавтра точно полетят.

Я чувствовал, что морально второй пилот уже сломлен после неожиданного, судя по всему, для него поражения.

Левой рукой я его положил буквально секунд через десять.

Командир экипажа уже сидел на табуретке. Я спокойно сказал: “Завтра отдыхайте”.

Шурцам (бортоператорам) сказал: “Проверим завтра аппаратуру”.

Механику сказал: “А ты прогреешь двигатель, проверишь самолёт. Послезавтра вылет!”

Так и порешили.

Вагончик, в котором жил начальник отряда, был поделен на два блока. Во втором разместились “аппаратурная” моего тёзки Серёги Павлова. В моей половине стояла койка и находилась постоянно включённая, по крайней мере, пока летает борт, рация. Я слышал все переговоры пилотов, если они выходили в эфир, мог в любой момент с ними связаться. И они в любой момент могли связаться со мной.

Я старался делать так, чтобы, когда борт летает, я непрерывно находился рядом. Если по какой-то надобности надо было выйти, я просил Серёгу подежурить. В отведённые часы выходил на связь с главным – с “Сопкой”, докладывал о том, как идут дела.

И потянулись будни.

Через день действительно экипаж полетел.

День, впрочем, отработали средненько, потому что существовала обычная норма. За день, предшествующий полётам, договорились о “подскоке”. Я заправил полностью бензовоз и с двумя ребятами отправил его в указанное место. Тут ещё возникли какие-то нелады с продуктами. Сделал запрос,

потребовал, чтобы нам привезли всё необходимое. Заодно “припахал” Петра Ивановича и кого-то ещё из водителей к уборке территории, потому что как-то всё было подзапущено.

Одним словом, через неделю, по крайней мере, мне так казалось, лётный отряд выглядел образцово-показательно.

Экипаж работал.

Но через пять дней наступили выходные, и начались разговоры, что неплохо бы немножко развеяться.

Я сказал: “Мужики, давайте так. Вот у нас план. Чтобы его выполнить, нужно восемнадцать лётных дней. Когда начнутся дожди, никто не знает. Летать можно только в ведро. Поэтому предлагаю такой вариант: “пашем” как можно больше, как можно лучше, иногда делаем по два, а то и по три вылета в день, но как только сделаем план, я лично обещаю, что договорюсь с начальством, и вы на неделю уедете на рыбалку. Сам на свои деньги куплю вам архушки (местной водки) и будете неделю рыбачить, на природе отдыхать”. Даже пообещал, если начальство отпустит, что тоже поеду и вместе с ними пригублю за завершение лётных работ.

Сначала смотрели на меня с недоверием. Но я был очень красноречив. Уже не помню, какие аргументы приводил, но они поверили.

Началась действительно очень хорошая работа, я бы сказал, пахота. И экипаж, и Шурцы, конечно, были блестящие профессионалы – работали как черти.

У меня на стене висела большая карта, там были нарисованы маршруты облётов. С большим удовольствием в конце каждого дня, когда мне приносили обработанные ленты, полётные подписанные задания, я раскрашивал определёнными цветами отработанные участки. Сердце радовалось, когда видел, что с каждым днём до выполнения плана оставалось всё меньше и меньше.

Когда я окончательно понял, что план мы сделаем, я пошёл на небольшую хитрость – стал каждый день при подаче сводок немножко занижать результаты с тем, чтобы потом, в конце было несколько дней на отдых. На рыбалку мы без разрешения уехать не могли. Мы должны были предупредить и, более того, попросить, чтобы нам разрешили. Но для того, чтобы как следует подготовиться к рыбалке, требовалось два-три дня. Эти дни можно было бы “закрывать” перевыполненными ранее результатами.

Как я уже говорил, рация работала всё время, пока летал борт. На этой волне, видимо, работало довольно много советских радиостанций и, похоже, в том числе работали “вояки”. Я слушал ругань, какие-то планёрки, вообще непонятные сообщения. Однажды неожиданно в радиозфире раздался бодрый голос: “Ниточка семь, Ниточка семь, я – Ниточка восемь, приём”. С регулярностью примерно в одну минуту эта “Ниточка восемь” зывала к какой-то “Ниточке семь”. Я сразу понял, что это военные, обычно у них такие экзотические позывные. Но меня убивало, что день за днём я слышал одно и то же. Только ночью, когда выключал рацию, я мог спокойно спать, но как только утром включал её для того, чтобы выйти на связь с “Сопкой”, тут же в перерывах между нашими разговорами слышал эту “Ниточку восемь”, которая зывала к “Ниточке семь”.

Дни шли за днями. Где-то на четвёртый день энтузиазм у “Ниточки восемь” заметно поубавился, голос сделался усталым и монотонным. Иногда мне виделся этот радист, подпиривший голову рукой и в полудрёме говорящий: “Ни-и-иточка семь, Ни-и-иточка семь, йа-а-а – Ни-и-иточка восемь, приём”. Паузы между выходами в эфир становились всё больше, иногда даже по полчаса. “Ниточка восемь” упорно молчала, и я начинал думать: “Боже мой, может, они, наконец, нашли друг друга, и этот ужас прекратится?” Мне эти “ниточки” начали снится по ночам. Даже если рация была выключена, всё равно в голове у меня кто-то настойчиво вызывал пропавшую “Ниточку семь”.

И вот однажды я сидел и подписывал ленты, которые нужно было отправить в Улан-Батор. Это были ленты самописцев, на которых были записаны данные гаммаспектрометрии и магнитометра. Монотонно и уже совсем заупокойно звучал голос “Ниточки восемь”. Как вдруг бодрый, как будто только что проснулся (я прямо так и увидел его – с начищенными пуговицами и пряжкой, в форме с иголки и, наверное, с такой же новой рацией), боец радостно возвестил в эфир: “Ниточка восемь, Ниточка восемь, я – Ниточка семь, на приём!”

Повисла гробовая тишина.

Видимо, “Ниточка восемь” приходил в себя от внезапно свалившегося на него счастья.

Спустя минуты две после того, как “Ниточка семь” дважды или трижды таким же бодрым голосом воззвала к “Ниточке восемь”, “Ниточка восемь” мрачно ответила: “Ниточка семь, Ниточка семь, проверка связи. Отбой! Ниточка восемь”. И на этом “ниточки” навсегда исчезли из эфира и, похоже, из моей жизни.

Вот такая весёлая (или невесёлая?) военная история.

План ребята сделали.

Рыбалку я им организовал.

Поехать с ними не удалось, потому что занимался ликвидацией лагеря и транспортировкой тягачами вагончиков в Арвай-Хээр. Почти трое суток мы с водителями и механиками везли наш караван. Никто не пострадал. Не было ни ЧП, ни аварийных отцепов, ни опрокидываний вагончиков, как иногда случалось. Одним словом, всё штатно.

Когда я, наконец, приехал на базу в Ховд, начальник партии Альберт Васильевич Исаков от души пожал мне руку и сказал: “Серёга, ты – молодец!” Было очень приятно.

8. “Огурчик”

В аэропартии у нас был самолёт, который летал по маршруту. Штурман регулярно делал аэрофотосъёмку, фиксировал радиоактивные места, где приборы обнаруживали аномалии. Потом эти данные “привязывались” к местности.

И вот эту самую фотоплёнку (широкие бобины) нужно было проявлять.

Пётр Иванович Коробицын работал в аэропартии фотолаборантом.

Вообще-то он себя гордо именовал фотографом и, действительно, фотографировал он нас много. Когда мы стояли недалеко от монгольских населённых пунктов, он подхалтуривал – делал фотографии местных жителей.

Помню, как на базу в Арвай-Хээре однажды подъехал со стороны города грузовик, битком набитый монголами. Они гурьбой зашли в лагерь, что-то стали говорить по-своему. Очень быстро мы поняли, что им нужен Петя, который в прошлые выходные выезжал в город и провёл там фотосессию. А теперь клиенты приехали получить свои фотографии.

Надо сказать, что у Петра Ивановича, при огромном числе человеческих и личных достоинств, имелся один большой недостаток – он был очень крепкий поддавоха. Абсолютно трезвым его, наверное, никто никогда не видел.

Он жил прямо в фотолаборатории, в отдельном домике, на двери которого всегда висела строгая табличка: “Не входить, идёт проявка”. Проявлял фотоплёнки Пётр Иванович примерно раза два в неделю, занимало это несколько часов. Всё остальное время, если говорить по-простому, Пётр Иванович “квасил”. Но начальник партии, да и любой другой боялись к нему зайти, потому что, чёрт его знает, а вдруг действительно он там проявляет? А ты, открыв дверь, засветишь плёнку. Потом ведь не заставишь самолёт снова летать над тем местом, фотоснимки которого были засвечены.

Итак, местные приехали.

Мы начали стучаться к Петру Ивановичу.

Долго никто не отвечал.

Потом из-за двери донеслись какие-то невразумительные звуки, и на пороге появился всклокоченный, заспанный и видно, что с глубокого похмелья, в одних трусах и майке Пётр Иванович.

Мы растолковали ему, что приехали его клиенты, которые хотят получить фотографии.

Пётр Иванович посмотрел на всех мутными глазами, икнул, произнёс: “Айн момент!” – и скрылся в домике.

Там что-то загрохотало. Мне даже показалось, что это был звук падающего тела, но минут через пять всё в тех же трусах и в майке Пётр Иванович вышел, держа в руках огромную пачку чёрно-белых фотографий.

Монголы, радостно галдя, его окружили. Он начал, не глядя на снимки, раздавать их клиентам. Те радостно хватали снимки, и тут же начинали возмущаться, потому что на них были не они.

Они совали фотографии каких-то других людей Петру Ивановичу под нос, что-то бурно говорили ему, жестикулировали.

Мы догадались, что Петя раздаёт фотографии, не глядя, и сказали ему об этом.

Его мутные глаза на секунду прояснились. Он посмотрел на нас, потом на лица монголов, а потом сказал: “Да как я могу их различать, если они все на одно лицо!”

В конце концов, “правильные” фотографии всё-таки обнаружались.

Вот такой замечательный фотограф был Пётр Иванович Коробицын.

Кстати, кличка у него была Огурчик, потому что, пребывая всё время, мягко говоря, не в самом трезвом виде, он при любых попытках указать ему на это всегда твёрдо и убежденно говорил: “Да как вы можете так говорить, я же как огурчик!” Так этот “огурчик” за ним и закрепился.

Баек про него было много.

Одну такую байку-биль о том, как Пётр Иванович пересекал советско-монгольскую границу, мне рассказали Шурцы...

Костяк аэропартии составляла Зеленогорская экспедиция, которая находилась в городе Свердловске. С нами ещё работали специалисты из “Сосны” (Сосновской экспедиции, г. Иркутск), и “Берёзы” (Берёзовской экспедиции, г. Новосибирск). В поля выезжали в апреле-июне. Год на год не приходился, иногда возникали какие-то сложности с оформлением документов, ещё с чем-то.

Обычно из Свердловска народ ехал в поезде большим табором. Иногда бывало, что почти два вагона занимали сотрудники экспедиции.

И вот весной людям выдали билеты, в которых было обозначено время отправления поезда. Поезд был проходящий (Москва–Улан-Батор), стоял он на станции Свердловск-Пассажирская минут двадцать. Поэтому все приехали пораньше. Часть вещей заблаговременно была отправлена контейнерами, но всё равно поклажи набралось много.

Пётр Иванович, как всегда, опаздывал.

Народ уже сел в вагоны.

Ребята заняли купе.

Одно место держали для Петра Ивановича.

Когда до отправления оставалась буквально минута, на перроне появился Пётр Иванович с огромным чемоданом. Парни выскочили на перрон, подхватили чемодан и фотографа, затолкали в вагон.

Слава Богу, успели.

Поезд тронулся. Все стали рассаживаться. Чемодан Петра Ивановича с большим трудом взгромоздили на третью полку.

И тут Огурчик говорит:

— Ну-ка, мальчишки, снимайте чемодан, мне кое-что достать нужно.

Энтузиазма снимать с полки, а потом опять поднимать тяжеленный чемодан ни у кого не было, но Огурчик настаивал. Ребята вдвоём, кряхтя, еле-еле спустили чемодан на нижнюю полку. Огурчик торжественными движениями, постоянно оглядываясь и подмигивая всем находящимся в купе, театрально нажал на замки. Те щёлкнули. Пётр Иванович распахнул чемодан...

Народ вздрогнул: в чемодане не было ничего, кроме... трёх десятков “маленьких”. Они лежали как снаряды — головками друг к другу. Сверху лежала нетолстая пачка газет, которой бутылки с водкой прижимались к крышке чемодана, чтобы не брякали.

Огурчик потёр руки и сказал:

— Ну, что, за отправление?

И понеслось...

До границы езды было четверо суток. Народ из двух вагонов по очереди тянулся в это купе. Сначала “принимали” за отправление, потом чтобы “полечиться”, потом уже по самым разным поводам.

Круче всех в пути “отдыхал”, естественно, сам Пётр Иванович.

Наконец поезд прибыл в Наушки — на советско-монгольскую границу. Нужно было проходить паспортный и таможенный контроль. Пётр Иванович лежал на второй полке, как говорится, никакой.

В вагон зашёл пограничник, стал собирать паспорта. Паспорт Огурчика ребята заранее приготовили. Отдали вместе с другими. Пограничник ушёл.

Потом пришёл таможенник, раздал таможенные декларации, сказал, чтобы все заполнили. Все сели заполнять. Попытались растолкать Огурчика, но это было бесполезно.

Пришёл таможенник, стал собирать декларации, увидел, что одной не хватает, подошёл к Огурчику и стал его расталкивать.

Тот что-то промычал, брыкнулся, явно не собираясь заполнять декларацию.

Таможенник взбеленился и сказал, что сейчас высадит этого деятеля.

Мужики тогда стащили Петра Ивановича с полки, надавали по щекам, насильно всучили ему ручку: “Пиши, балда, а то больше никогда никуда не поедешь!”

Огурчик, упёршись лбом в стекло, загоразивая руками декларацию, высунув язык, долго-долго сопел, что-то карябая на бланке. Потом сложил бланк пополам, улыбнулся всем, попросил, чтобы его подняли на полку, и велел позвать таможенника.

Народ загрузил Петра Ивановича на полку.

Никому и в голову не пришло развернуть декларацию, посмотреть, что же там Пётр Иванович написал.

Позвали таможенника, вручили ему декларацию. Он её читает, и у него аж скулы сводит от негодования. Таможенник начинает размахивать декларацией, держа её в одной руке, а другой рукой пытается стащить Петра Ивановича со второй полки.

Ребята взяли у таможенника декларацию, развернули и увидели, что написал Огурчик. Поперёк декларации большими печатными буквами было написано: “Пётр Коробицын, Советский Союз”.

Народ застонал.

Таможенника было не уговорить. Он не хотел ничего слышать о незаменимости Петра Ивановича в экспедиции, занятой поиском урана в дружественной стране, о значимости советско-монгольской дружбы, о многих других достоинствах гражданина СССР Петра Ивановича Коробицына.

Пришлось звать начальство. Оно, незаметно взбадривая кулаком под ребро уже поднятого Петра Ивановича, стало ласково уговаривать таможенника простить Огурчика. Кто-то из девчонок заполнил декларацию за Петра Ивановича, его заставили расписаться.

Кажется, не обошлось без презента таможеннику, может быть, из того самого чемодана. Если, конечно, к этому времени там что-то оставалось.

Но, в конце концов, Пётр Иванович благополучно пересёк советско-монгольскую границу трезвым, как... Огурчик!

9. Тушканчик

Обычно все мои воспоминания о Монголии связаны либо с пустыней Гоби, либо с её западной – гористо-каменистой – частью. Монголия славится тем, что там есть практически все климатические зоны, кроме, наверное, тропиков и субтропиков. Есть тайга, есть альпийские луга.

Однажды я и моя научная руководительница Елена Борисовна Высокоостровская на пару дней поехали в лагерь Советской экспедиции. Он находился в горах, недалеко от Улан-Батора, в распадке у ручья. Трава там была по пояс. Ещё там на большом расстоянии друг от друга стояли огромные, многовековые лиственницы. И, конечно, было очень много всякой живности.

Ночевать меня взял к себе мой земляк – геолог из Ленинграда. В его двухместной палатке я поставил свою раскладушку, положил на неё спальник.

После ужина (лагерь был в горах, поэтому стемнело быстро) мы пошли укладываться спать. Включили в палатке фонарик, забрались в спальники.

В экспедициях у меня выработалась привычка укладываться в спальнике таким образом, чтобы голова была снаружи. Многие мои коллеги и в жаркие дни, и в холодные зарывались с головой в спальник, как в кокон, и так спали. А мне всегда был нужен свежий воздух, даже зимой – в палатке или в юрте. Под утро там была минусовая температура, поэтому я надевал вязаную шапочку, но всё равно с головой в спальник не залезал.

Дальше поймёте, почему я так подробно об этом рассказываю...

Когда улеглись, естественно, о чём-то разговорились.

Тут я услышал какое-то шуршание и постукивание:

– Юра, что это шуршит?

– А-а, это пришёл мой друг тушкан. Пришёл за своим ужином.

– А что у него на ужин?

Юра рассказал, что в его рюкзаке в полиэтиленовом пакете лежат грецкие орехи. Если рюкзак завязать туго, тушканчик начинает грызть рюкзак, что происходит совсем не бесшумно, да и рюкзак портится. Поэтому Юра не завязывает рюкзак, более того, и пакет с орехами оставляет открытым. Тушканчик туда забирается, выбирает один орех.

Он очень интеллигентный зверёк. Каждую ночь берёт только один орех и убегает, а за вторым уже не приходит.

– Да что я рассказываю, сейчас тебе покажу его, – говорит Юра.

Мы стали ждать.

Постукивание прекратилось. Значит, тушканчик перебрал своими лапками все орешки, выбрал, наверное, тот, который понравился, и тихонечко понёс его к выходу.

Юра, видимо, хорошо знал маршрут зверька. Включил фонарь в нужный момент. Луч осветил середину палатки. Я увидел застывшего тушканчика. Он стоял на задних лапках. Во рту, уж не знаю, как он поместился, у него был большой орех. Чтобы орех не выпал изо рта, зверёк придерживал его лапками. Глаза-бусинки испуганно смотрели на свет.

Давно известно, если тушканчик попадает, например, ночью на дороге в свет фар машины, то он, бедный, бежит изо всех сил прямо, не может уйти из светового потока в сторону. Но мы обычно всегда притормаживали или делали специальный манёвр, чтобы сместить свет фар. Тогда тушкан мог спокойно соскочить с колеи. Примерно так же получилось и в палатке.

Мы повеселились, глядя на тушканчика.

Юра выключил свет.

Тушканчик был таков.

Мы заснули.

Вдруг посреди ночи я просыпаюсь от ощущения, что что-то не так с моей головой.

Проснулся окончательно и несколько секунд соображал: что же происходит? У себя на лбу я чувствовал чьи-то коготки, вдоль носа свешивалось что-то пушистое. И кто-то копошился в моих волосах. Взмахнув рукой, я смахнул с головы этого “кто-то”. И только тут понял, что это был тушканчик.

Это я сейчас так спокойно рассказываю об этом, а тогда меня переполняли совсем другие чувства.

Юра проснулся, заскрипел раскладушкой – он-то спал в спальнике с головой! – и спросил:

– Что, в гости приходил?

– Да. Только не пойму, зачем?

– Ты знаешь, я тоже любил спать головой наружу, но тушкан повадился искать что-то на моей голове, так что теперь закрываюсь по полной...

Но я, хоть и предстояло ещё ночевать здесь пару ночей, привычки своей не изменил.

Однако следующей ночью тушканчик, которого я так негостеприимно скинул со своей головы, не пришёл.

Наверное, обиделся...

10. “Лингвистическая” история

Это было в середине восьмидесятых в западной части Монголии...

Воду мы обычно набирали из колодцев, которые в своё время в Монголии построили румыны. Обычно они обозначались специальными значками на картах.

Выглядел этот колодец так. Над поверхностью земли возвышался, как бетонный дот, усечённый конусный многогранник с плоской площадкой на высоте примерно в метр от земли. Из середины этой площадки выходила труба, к которой была приварена другая длинная труба, как рычаг. Нужно было этот рычаг вращать. А внутри трубы, которая уходила в глубину, находился “винт

Архимеда”. Под действием этого “винта” вода из водоносных горизонтов поднималась на поверхность. Обычно под землёй проходила труба с водотоком. Наверху был бетонный жёлоб. Он заполнялся водой. К этому жёлобу подходили верблюды, овцы, яки, сарлыки и пили воду.

А мы обычно на выход трубы надевали резиновый шланг, конец шланга опускали в “квасовозку” и потом по очереди (сразу несколько человек) крутили этот рычаг. Крутить его было совсем не легко.

В Монголии было много таких колодцев, где в одиночку невозможно было прокрутить “винт Архимеда”. Монголы обычно использовали для этой цели верблюда или лошадь. Ну, а мы использовали самих себя.

Вообще, поездка за водой была довольно хлопотным делом. Его можно сравнить с регулярным выносом мусора из квартиры в доме, где нет мусоропровода. Выносить надо, но энтузиазма нет.

Вот и мы так ездили за водой.

Собиралась настоящая артель. Иногда человек десять. Тогда работали в две смены по пять человек. Очень строго считали, кто сколько кругов делает. Заранее знали, сколько кругов нужно сделать, чтобы наполнить бочку. Примерно сто кругов, чтобы наполнить девяностолитровую бочку.

Но однажды мы оказались в таком месте, где не было механизированных колодцев.

А вода, естественно, была нужна.

И вот мы вдвоём с Санькой Груздевым (он – за рулём ГАЗ-66, я – рядом) поехали искать воду. Так как мы знали, что “винта Архимеда” в здешних колодцах нет и, следовательно, толкать будет нечего, мы взяли с собой ведро с верёвкой, чтобы просто черпать воду. Для этого нас двоих было вполне достаточно, тем более что мы не собирались заливать “квасовозку” полностью. Нужно было набрать литров 100–150 для самых первоочередных нужд. Потом мы должны были двигаться дальше. А там уже должны были появиться “румынские” (как мы их называли) колодцы.

Мы с Санькой внимательно изучили карту. Посоветовались с товарищами, каждый из которых, естественно, был большим специалистом в определении местонахождения воды.

Выбирать особенно было не из чего, потому что, как сейчас помню, на ближайшем расстоянии в радиусе двадцати километров был только один приличный колодец.

Вот мы с Санькой и туда поехали.

Когда подъехали, сразу увидели практически на ровном месте около небольшого подковообразного холма колодец. На склоне холма стояла юрта, чуть ниже – кошара для овец. Ещё увидели, что к колодцу скачет на лошади монгол-пастух. Он ещё издали заметил нашу машину. Пастух, видимо, жил в этой юрте.

Мы подошли к колодцу.

Колодец представлял собой бетонное кольцо, выступающее из земли, сверху покрытое досками. Мы сняли пару досок, заглянули внутрь. Вода была на глубине метров примерно в двадцать. Это нормально, бывало и ещё глубже. В зеркале воды мы увидели траву, мусор, пух.

Одним словом, не очень понравилась нам эта вода.

Тут как раз подскакал арат.

Мы находились в глубинке и были абсолютно уверены, что здесь по-русски нас не поймут, поэтому обратились к нему по-монгольски:

– Сайнбайну-у!

– Сайн-сайнбайну-у! – ответил монгол.

– Ус байна? (“ус” – вода, “байна” – есть, а “сайнбайну” – это мы так поздоровались.)

– Байна, байна!

Подозрительно глянув в колодец, мы ещё раз уточнили:

– Ус сайн? (“вода хорошая?”)

– Сайн, сайн ус! – подтвердил монгол и заулыбался.

Делать нечего, вздохнув, мы стали опускать ведро вниз.

В это время я Сане говорю: “Для него-то сайн, он привик, видишь, улыбается, а мы потом будем бегать по окрестным горкам – пронесёт весь отряд, смотри, какая дрянь плавает на поверхности!”

И вдруг монгол на абсолютно чистом русском языке, без всякого акцента говорит: “Ребята, да вы не сомневайтесь, вода действительно хорошая, здесь очень хороший дебет, я только с утра всё прокачал для скота. А соринки — не берите в голову, из ведра вынете и всё. Вода отличная, родниковая, гарантирую!”

Мы с Саней обалдели!

Я тогда монгола спрашиваю: “Слушай, а чего ты по-русски с нами не разговаривал?”

“Ну, вы со мной по-монгольски, и я по-монгольски”.

Разговорились.

И оказалось, что это не просто арат, это животновод с высшим образованием. А учился он — где бы вы думали? — в Сельскохозяйственном институте в городе Пушкине под Ленинградом.

Земляки, одним словом.

Вот такая была у нас интересная встреча.

11. Водяное перемирие

Как-то мы ехали на “топике” (том самом топопривязчике с гаммаспектрометром) и увидели небольшие горушки. Решили осмотреть возможное место для лагеря, чтобы палатки были чем-то защищены от сильных ветров.

Кстати, о ветрах.

Что такое пылевые бури в пустыне и даже в самом Улан-Баторе, я думаю, все, кто когда-нибудь бывал в Монголии, прекрасно знают. Штука очень неприятная. Пыль поднимается на высоту нескольких сот метров, ничего не видно, песок сечёт лицо, руки, а если ещё, не дай бог, пылевая буря застигнет, когда ходишь по пустыне раздетый, — быть всему иссечённому и в мелких царапинах.

Помню, как-то осенью мы спали в лагере в палатках на раскладушках. С вечера всё было тихо, спокойно. А ночью резко, буквально в течение десяти минут, начался самый настоящий ураган. Причём начался с нуля: вдруг рвануло так, что палатки слетели, начался ливень. Это большая редкость для Гоби.

Сначала пытались каким-то образом эти палатки удержать. Потом поняли, что все не удержим, навалились на одну. Остальные уже уносило куда-то ветром. За ними раскладушки, спальники. Мы даже не пытались ловить. Кончилось тем, что полы сорванной с каркаса палатки подогнули изнутри под раскладушки. Улеглись на них, а прямо на лицах у нас лежал мокрый брезент палатки. Но это было хоть какое-то укрытие!

Утром же, как часто бывает после такой бури, — абсолютный штиль, никакого дождя, светит солнышко.

Мы весь день ездили по пустыне, отыскивая раскладушки, палатки, одежду — всё, что ветром унесло. Нашли не всё. Дальше всех улетела одна из раскладушек — за тридцать с лишним километров. Была она порвана, погнута, но, по крайней мере, мы её нашли, чтобы потом перед начальником отряда можно было отчитаться и списать.

Но это так, лирическое отступление.

Значит, увидели мы выходящее из-под горушек сухое русло с хорошим песочком и поехали по этому руслу. Очень скоро скалы стали сближаться. Мы поняли, что на машине дальше не проехать. Пошли пешком.

Отойдя от машины метров на триста, увидели, что в одном месте под скалой из песка пробивается несколько зелёных травинок — значит, где-то недалеко есть вода. Сбегали к машине, взяли лопату, начали рыть, и буквально сразу появилась вода.

Вода в Гоби, как я уже говорил, вещь редкая и ценная. Мы быстро вырыли котлованчик диаметром метра полтора и глубиной где-нибудь сантиметр шестьдесят. Он очень быстро заполнился водой. Песок лопатой выбрасывали рядом.

Стояла абсолютная тишина. Никакая живность на глаза нам не попадалась. Мы пошли дальше вверх по руслу.

Отсутствовали, наверное, минут двадцать.

Первое, что видим, возвратясь, — яма практически сухая, но на наших глазах начинается вновь наполняться водой. Второе — рыхлый песок, который мы выбрасывали, копая яму, и который окружал этот своеобразный “дикий колодец”, усеян следами животных.

Мы неплохо разбирались в следах. Поэтому быстро установили, что возле колодца за эти двадцать минут побывали (уж не знаю, по очереди или все вместе) заяц, дзэрен (сайгак), степная лисица (корсак), волк и зверьки поменьше, типа ёжиков. Вроде даже и следы птичьих лапок были, хотя птиц мы ни разу там не видели.

Мы стали оглядываться.

Вокруг полная тишина, кругом — невысокие скалки, растительности никакой.

Где была вся эта живность?

Куда она сейчас попряталась?

Но самое удивительное: мы поняли, что знаменитое “водяное перемирие” у Киплинга — не сказка, а реальность. В абсолютно обезвоженном месте у зверья вдруг появилась возможность напиться воды. Они в эти мгновения забыли про инстинкты хищников и жертв. Как только мы отошли, все животные кинулись к спасительной воде.

Лагерь мы там решили не ставить. Во-первых, места подходящего так и не нашли. Во-вторых, решили: пусть лучше там будет водопой для зверей.

... А вот вторая история тоже связана с сухим руслом.

Было это в другом месте.

Как всегда, искали место для лагеря. Увидели на горизонте тоненькую полоску скал и огромный вынос в пустыню камней, щебня, сухих веток (откуда там ветки, было сначала непонятно).

Мы поняли, что это конечная часть огромного временного водотока. Весной снег начинает таять. Вода со всех скал стекает по многочисленным ложбинкам, овражкам и логовам в главное русло, и всё это потом выносится далеко в пустыню.

За одной из небольших горок рос “гобийский вяз”. Уж не знаю, вяз ли это на самом деле или нет. Это было дерево с тонкими жёсткими листочками. Кстати, несмотря на то, что дерево давало тень, наученные горьким опытом, мы никогда не спали под ним, потому что на нём было огромное количество клещей. И если кто-то ложился отдыхать или просто сидел под этим деревом, то очень скоро эту “приятную” живность мог обнаружить у себя в голове или на теле.

Разбили лагерь.

Были у нас две машины: “топик” и ГАЗ-66.

Готовили мы в основном на паяльных лампах. Имелись специальные танганки, на которые можно было ставить вёдра. Под них заводили паяльную лампу и таким образом готовили завтрак, обед и ужин.

Кто-то, как обычно, отправлялся на маршруты, кто-то дежурил в лагере.

Помню, как на середине маршрута неожиданно небо затянуло огромной тучей, хлынул дождь. А по инструкции во время дождя и даже спустя шесть часов после него работать при поисках урана нельзя. Повышается радиоактивный фон из-за того, что радиоактивный радон (газ) прибавляется дождем к земле.

Мы свернули все работы и поехали в лагерь.

Когда добрались, дождь уже кончился. Потом и солнце выглянуло.

В ожидании сели в топопривязчик. Окна и двери были открыты. Наш “топик” стоял возле русла: открытой дверью в сторону горушек, а капотом в сторону пустыни.

И вот мы сидим, о чём-то болтаем. После того как закончился дождь, прошло, наверное, полчаса. Вдруг послышалось какое-то шипение. Водитель “топика” обошёл все четыре колеса, потому что была полная иллюзия, что где-то “травит” колесо.

Вроде бы все в порядке.

Шипение между тем усилилось.

Прислушались. Исходило оно откуда-то извне, похоже, со стороны горушек.

Кто-то из нас догадался выглянуть наружу.

Мы услышали: “О-па!”

Выпрыгнув из машины, увидели, что по руслу из-за скал движется на нас двухметровая стена грязной пены. Двигается довольно медленно. Это она издавала такое неприятное шипение. Мы сразу не поняли, что нас ожидает, даже побежали зачем-то навстречу этому валу.

Но быстро догадались, что по руслу сливается со всего горного массива вода. Она-то и гонит перед собой эту грязную волну. Сквозь шипение уже слышался грохот. Сомнений не было. Так могут грохотать только бьющиеся друг о друга камни, причём большие камни.

“Топик” мы успели перегнать на ближайшую горюшку, а ГАЗ-66, как зло, не заводился. Мы успели занести на небольшую скалку ящик с продуктами (потом дважды перетаскивали его ещё выше). Успели подхватить и раскладушки, да практически всё. Только ГАЗ-66 с брезентовым кузовом остался стоять поперёк русла.

Буквально через пару минут, стоя на возвышенности, мы увидели, как огромный грязный селевой поток обрушился на то место, где только что был наш лагерь. Огромные валуны, некоторые чуть ли не в метр диаметром, летели, как мелкая галька. Самое ужасное, что всё это било в борт, в кабину ГАЗ-66. Был момент, когда вода даже стала перехлёстывать через кузов. Машина раскачивалась под напором грязной селевой воды, но не упала. Сель бушевал примерно минут десять. Потом стал спадать. Уже через час от него остались только отдельные тонкие ручейки.

Машина была вся ухайдакана. Забегая вперёд, скажу, что песок попал в двигатель. Так что своим ходом ГАЗ-66 с этой стоянки уехать не смог.

Так мы в очередной раз убедились, насколько коварна пустыня Гоби.

12. Рыбалка в Монголии

История, которую я хочу рассказать, произошла в 1990 году в самой западной части Монголии, в Котловине Больших Озёр.

Стояли мы в тот год в уникальном месте – в бывшем пионерском лагере на берегу потрясающе красивого озера. Это озеро, видимо, было местом гнездования разных водоплавающих птиц. Бывший пионерлагерь представлял собой пять деревянных домиков, установленных на срубках. Домики были щитовые.

Когда мы приехали, в домиках не было ни окон, ни дверей, но крыши были. Мы быстренько всё подлатали, даже печки сделали, поставили ещё пару юрт.

Наш лагерь был на скале. На другом берегу озера были самые настоящие песчаные барханы. Слева (лагерь стоял на небольшом мыске) озеро вытягивалось в протоку, поросшую камышом. Именно в этих камышах водились птицы. Потрясающе красивыми были закаты.

У нас появилась традиция: каждый вечер, без пяти девять, мы выходили из домиков на “улицу” – там стояли скамейки – смотреть программу “Время”, так это называлось. Никакого телевизора в лагере, конечно, не было.

Мы рассаживались, болтали о том о сём. В это время солнце уже садилось. Небо полыхало, наверное, всеми цветами радуги, в основном, конечно, пурпурно-жёлто-оранжево-бордовыми тонами. На закат было смотреть интересно, но не это было программой “Время”.

Ровно в девять часов по местному времени с юга на север озеро пересекала стая бакланов. У них был свой строй, я не назову его ни клином, ни цепочкой. Но чувствовалось, что летят они упорядоченно. От нас они находились примерно на расстоянии пятисот метров и были прекрасно видны на фоне неба и воды. Летели бакланы невысоко, метрах в двадцати над водой.

Прямо напротив нашего мыска, как будто наткнувшись в воздухе на какую-то невидимую прозрачную стену, первый баклан резко поворачивал на девяносто градусов и брал курс прямо на нас. За ним, долетая до какой-то совершенно определённой точки, делая такой же резкий поворот (нам казалось, что они делают это, как солдаты на плацу по команде “Нале-во!”), этот манёвр повторяли все остальные бакланы.

Летели они точно на нас. Пролетали позади домиков, потом (на этот раз уже не резко, а плавно) поворачивали и улетали за камыши.

Эту картину можно было наблюдать каждый вечер, что мы с большим удовольствием и делали. Это была наша фирменная “фишка”. Когда к нам в отряд

кто-нибудь приезжал, мы не отказывали себе в удовольствии продемонстрировать это до сих пор не понятное мне явление. Почему бакланы делали в определённой точке над озером один и тот же манёвр – каждый день и в определённое время – ровно в девять, когда вся советская страна сидела у телевизоров и смотрела программу “Время”?

Мы работали без выходных целых два месяца, пока было ведро, то есть солнце. И, конечно, устали. Ждали, когда Ан-2 из лётного отряда полетит на ежемесячную профилактику в Союз.

Наконец, он улетел. Мы решили, что имеем право на пару-тройку дней так называемой камералки, то есть заслуженного отдыха. Но на самом деле все разговоры уже давно были только о рыбалке. Река под названием Идер находилась от лагеря примерно в трёхстах километрах к северу.

Как только представилась возможность, мы рванули. Начальник отряда Женька Мурашкин, я, геофизик Саня Груздев и геолог Коля Исаев. Побросав в кунгу ГАЗ-66 снасти, взяв восемь пустых сорокалитровых алюминиевых бидонов (под рыбу), необходимый запас продуктов, соль – посолить рыбу, чтобы не испортилась, мы поехали. На Идере я, по-моему, был до этого один раз.

Ребята сказали, что знают очень хорошее место на притоке Идера.

Туда мы и двинулись.

Выехали рано утром, чтобы ещё вечером, засветло, успеть порыбачить.

Через триста километров добрались до сомона, который стоял на берегу Идера. Брод, где могли проехать машины, был только в одном месте. Он представлял собой довольно плавный спуск с берега, далее – по галечному дну реки на остров, который делил русло на две части.

Остров был в длину примерно с километр и в ширину где-то с полкилометра. За ним была протока поуже, но зато и поглубже. Вода там текла быстрее. Помню, на всякий случай, по первой протоке выехав на остров, мы сняли ремень с вентилятора. Быстро, закрыв жалюзи на радиаторе ГАЗ-66, проскочили через вторую протоку, выбрались на довольно крутой берег. Поставили ремень и поехали дальше.

Место оказалось замечательным.

Приток Идера был пять-шесть метров в ширину. Кое-где имелись омути, плёсы.

Нашли место для лагеря, поставили палатку, подготовили костровище и рванули за рыбой.

Рыбалка получилась удачной.

Тайменя в этом притоке, по-моему, никто никогда не ловил, но ленков и хариусов было очень много.

Ночью пошли ловить на “мышь”.

Это – особая песня.

На “мышь” ловится либо таймень, либо ленок. На “мышь” – это означает вот что: вместо блесны на конец лески привязывается нечто, похожее на мышь.

Обычно мы делали это так: брали кусок пенопласта, внутрь заливали свинец – ровно столько, чтобы было хорошо забрасывать, но в то же время, чтобы пенопласт не тонул. Сверху обшивали пенопласт кусочками искусственного или натурального меха. На конец прицеплялся хороший тройничок – под рыбу весом килограммов до десяти.

Ночью – самое лучшее время лунная ночь – выходили на заранее намеченные в дневное время места – на плёсик. Хорошо, если где-то там была ямка.

Забрасываешь к противоположному берегу реки “мышь”. Слышно, как падает “мышь” в воду. Начинаешь крутить катушку. Поплавок (“мышь”) идёт по поверхности воды, от него расходятся по воде “усы” – полная иллюзия как будто реку переплывает настоящая мышь.

Кстати, почему мыши так делают (мы часто видели настоящих мышей, переплывающих с берега на берег), мне до сих пор непонятно. Но для тайменя и ленка, похоже, это самое замечательное лакомство. Снизу, со дна, может, саму “мышь” рыба не видит. Но ей хорошо видно (особенно в лунную ночь), как двигаются “усы”.

Опытный рыбак сразу же по тому, как рыба схватила наживку, понимал, кого сейчас вытасчит.

Таймень делал это очень просто: абсолютно бесшумно подплывал, “нежно” брал в пасть “мышь” и медленно, я бы сказал, интеллигентно тянул поплавок на самое дно. Очень часто это выглядело так, будто бы тройник зацепился за какую-нибудь корягу. Рыбак начинал совершать всякие манёвры: дёргать леску, ходить по берегу, пытаясь вытащить поплавок, пока вдруг не чувствовал, что начинается движение “мыши” где-то глубоко под водой. Так брал “мышь” таймень.

Как я уже сказал, в Монголии я ни разу тайменя не ловил, но знаю это по рассказам моих товарищей.

А вот как берёт “мышь” ленок, я прекрасно знаю.

Выглядело это совершенно по-другому.

Сначала раздаётся резкий хлопок по воде — это ленок подплывает к “мышь” снизу и резким движением бьёт её хвостом (как бы оглушая настоящую мышь). Потом он моментально разворачивается и хватает поплавок. Между хлопком и рывком времени максимум секунда. Но для рыбака это сигнал: как только слышишь хлопок, будь готов подсекать, потому что сейчас будет рывок, и ленок схватит “мышь”.

Нужно сказать, ночная рыбалка на “мышь” — увлекательнейшее занятие.

Так вот, мы “помышковали”, поймали достаточное количество ленков, но очень скоро пошёл дождь.

Забегая вперёд, сообщу, что дождь лил целые сутки. Честно говоря, сразу мы не поняли, какой коварный сюрприз нам этот дождь приготовил.

Когда мы уезжали на рыбалку из лагеря, там, естественно, оставались дежурные. Они дважды в сутки выходили с базой на связь.

Мы сказали, что вернёмся к вечеру вторых суток.

Проснувшись утром на следующий день, походили под дождём, ещё порыбачили, перекусили. А после обеда свернули палатку, выпотрошили рыбу, сложили, пересыпав солью, во фляги. Несколько самых симпатичных рыбин, почти не присыпав солью, переложили крапивой и положили в ящик в надежде, что удастся привезти их свеженькими. Ту же рыбу, которую посолили, потом планировали вялить. (Вяленый хариус и ленок, должен вам сказать, — это объединение.)

Рванули обратно.

Двадцать километров до Идера проехали быстро.

За рулём попеременно были то Женька, то Саня. Не помню, Коля машину водил или нет. Я ГАЗ-66 водил, впрочем, как и любые легковые и грузовые машины. У меня были с 1977 года профессиональные права категории “В” и “С”. Я, когда ещё работал в Горном институте, пять месяцев учился в автошколе с отрывом от производства.

Когда мы подъехали к переправе, то увидели, что Идер очень сильно разлился. Остров стал намного меньше, но ещё виделся из воды. Первая протока, которая была поуже, шире стала ненамного, но вода там просто бурлила. Вторая стала шире раза в два.

Опять сняли ремень с вентилятора. За рулём был Санька Груздев. Медленно съехали с берега. Санька поддал газку, уже передние колёса были на острове, как вдруг машина “села” на задние колёса.

Саня газанул, нос у машины задрался, и через заднюю дверь в “кунгу” стала поступать вода. Саня на нервах ещё газанул, машина ещё глубже “села”, мотор чихнул и заглох.

Моросил мелкий, противный дождь.

Мы вылезли и увидели, что сели капитально.

На берегу, с которого только что съехали, мы видели свежеструганные брёвна, приготовленные для вкапывания в землю в качестве столбов линии электропередачи. Посоветовавшись, решили пойти и принести пару брёвен, чтобы сделать вагу, а потом попробовать поддомкратить.

Пошли за брёвнами. Они были довольно тяжёлыми. Подтащили их до брода, разделись до плавок (впрочем, разделись мы ещё раньше, когда переходили протоку в первый раз). Бревно через протоку тащили вчетвером. Намалялись вдоволь. Бревно тяжёлое, течение сильное, устоять довольно трудно. Дно неровное. И вообще, глубоко. Были моменты, Санька — он не очень высокого роста — не плечо подставлял, а висел на бревне, держась за него, чтобы его не унесло течением. Ноги у него при этом болтались в воде. Мы это чувствовали по резко возросшему весу бревна.

Потом в такую же яму попадал кто-то из нас, и тоже повисал на бревне. Но худо-бедно мы перетащили шесть брёвен.

Попытались положить одно бревно вдоль колёс, второе – подsunуть под ступицу колеса, сделать рычаг. Получалось плохо, потому что бревно лежало в воде, ступица всё время соскакивала.

Тем временем совсем стемнело. Женька скомандовал: “Отбой, будем ждать рассвета”.

Дождь не прекращался.

Я поставил вешки у обреза воды, наблюдая за тем, как вода движется на остров. Хотели разместиться в машине, но она сильно накренилась. Тогда достали брезент, расстелили на земле (остров был абсолютно плоский, без единого кустика), достали спальные, залезли в них. Второй половиной брезента накрылись.

Кое-как заснули.

Проснулись утром. К счастью, показалось солнышко – дождь закончился.

Женька сказал, что пойдёт на другой берег через вторую протоку в сомон на почту, попробует дозвониться, сказать, что мы “сели” плотно, а самое главное, сообщит, где мы.

Но дозвониться не получилось.

Он ушёл, мы остались втроём. Вспомнив, что “утро вечера мудренее”, решили возобновить попытки подложить под колёса брёвна. И к удивлению, у нас получилось. Да так получилось, что когда Женька пришёл, у нас переднее левое колесо уже стояло на бревне. От этого машина, правда, ещё больше запрокинулась назад, но главное, что мы попробовали, и у нас вышло.

Потихонечку на том берегу, где был сомон, стали появляться местные жители. Они рассаживались вдоль берега, как в партере театра, в предвкушении очень интересного зрелища. Должен сказать, что мы их не разочаровали: весь световой день мы чертыхались, падали, матерились, извалялись все в грязи.

Но дело двигалось.

Кстати, Женька у монголов попросил трактор “Беларусь”, но тракторист не рискнул даже через первую протоку проехать.

Помощи нам ждать было неоткуда.

Но по принципу “глаза боятся, руки делают” мы важили, подкладывали брёвна, домкратили...

Снова важили, снова домкратили.

Часов в семь вечера стало смеркаться.

ГАЗ-66 стоял ровнёхонько, абсолютно горизонтально, всеми четырьмя колёсами на брёвнах. Более того, брёвна проложили, как колею, на сам остров.

Осталось только завести мотор и тихонечко-тихонечко, не дай бог вильнуть хоть на миллиметр колесом, вывести машину на остров.

Долго спорили: кто сделает эту ювелирную операцию.

Санька, который всю ночь и весь день переживал, что это он “посадил” машину, очень хотел, чтобы дали реабилитироваться ему. Мы это поняли, спорить не стали.

И вот мы втроём (я, Коля, Женька) стоим на острове.

Санька, только что не дыша, открывает дверцу кабины, залезает, включает зажигание.

К удивлению и великой радости, мотор завёлся с полуоборота.

Санька чуть-чуть погрел, погонял движок, но так, без фанатизма, опасаясь, что даже от такого небольшого сотрясения, от вибрации, “газон” соскочит с брёвен.

Наконец, настал момент истины.

Санька показал нам через стекло, что он готов.

Мы ещё раз присели, посмотрели на колёса, убедились, что они стоят ровно, крикнули Саньке: “Давай!”

И Санька дал.

Нужно сказать, что дал неплохо, – машина вылетела на остров.

На другом берегу, где сомон, мы услышали восхищённый рёв монголов, которые, видимо, никак не могли поверить, что четверо, прямо скажем, не атлетического вида хлопчиков смогут голыми руками вытащить ГАЗ-66 из, казалось бы, абсолютно дохлой “засады”.

Кстати, смотреть-то они смотрели, однако не сильно стремились помогать. Правда, днём принесли горячего мяса с лапшой.

Но, честно говоря, мы хотели сами показать им: вот, мол, смотрите, что могут советские специалисты.

Санька, сигналив что есть мочи, наворачивал круги по острову, радуясь, что наконец-то машина вырвалась из этого глинистого плена.

Ну, ладно.

Теперь встала вторая дилемма: куда ехать дальше? Дело в том, что выше по течению Идера — в ста километрах — находился мост. То есть, мы могли вернуться обратно на тот берег, с которого только что приехали, рвануть сто километров, проехать через мост, потом обратно — сто километров до сомона. Ну, а дальше — триста вёрст до базы. Благо бочка с бензином у нас была в кунге. Это было законом в Монголии — всегда двести литров бензина мы возили с собой. Бензина нам должно было хватить.

Конечно, было желание попробовать перебраться через вторую протоку. Тогда — всего триста километров до лагеря. А так — пятьсот. Да ещё неизвестно, удастся ли нам вновь проехать эту злосчастную протоку, когда поедem обратно.

Нужно ли говорить, что минут тридцать мы спорили.

Было принято решение: возвратиться через ту же протоку, найти другое место, прощупать дно, срыть лопатами берег острова и противоположный берег, чтобы было ровно для машины. Сделать лишние двести километров, но зато с гарантией, что мы не “посадим” во второй протоке машину.

Как только решение было принято, закипела работа.

Я думаю, что с такой скоростью берега не срывал никто и никогда. Наверное, через полчаса всё было готово.

Мы перешли на тот берег.

Санька сел в машину и легко, быстро, одним махом, проскочил протоку, выскочил на берег.

Мы тут же запрыгнули в кунгу.

Сто километров до моста почему-то показались очень долгими. Правда, сто километров по другому берегу до сомона проехали быстрее.

Оставалось ещё триста...

Приключение, однако, не было бы полным, если бы мы (а так как уже стемнело, ехали ночью) не заблудились.

Когда рассвело, убедились, что очень сильно отклонились от нужного направления, километров пятьдесят дали в сторону.

Но ничего.

В одиннадцать часов утра мы уже мчались по отличной песчаной дорожке, которая вела прямо в наш пионерский лагерь.

И вдруг видим: навстречу едет другая наша бортовая машина — ГАЗ-66.

Мы им посигналили. Они, проскочив, наверное, с километр, вдруг развернулись (а мы остановились) и вернулись к нам. Оказывается, нас уже поехали искать. Наши “спасатели” пребывали в таком азарте и в такой тревоге, что сразу даже не поняли, что те, кого они поехали искать, уже подъехали почти к самому лагерю.

В лагере, как потом нам рассказали, очень долго спорили: сообщать ли по радиации, что мы не вернулись вовремя?

Решили не сообщать, а ехать на поиски.

Утром рванули нам навстречу, но мы уже сами нашлись.

Эту рыбалку мы вспоминаем, когда встречаемся, а, слава Богу, мы встречаемся и с Женькой, и с Саней, и с Колей до сих пор.

У меня сохранились фотографии с той памятной рыбалки.

13. Кольца Лизеганга

... Летом 2009 года по поручению президента нашей страны я был на инаугурации нового монгольского президента. Встречаясь с премьер-министром Монголии господином Баяром, который лет пять до того, как стал премьером, работал послом Монголии в России и которого я очень много лет и хорошо знаю, рассказал ему о том, что на территории Монголии встречается интересное минералогическое, а скорее петрографическое образование — “Кольца Лизеганга”.

Что это такое?

Имя этому уникальному явлению дал немецкий химик конца девятнадцатого века Лизеганг. Кстати, удивительный был человек. Наверное, мало есть отраслей знания и сфер человеческой деятельности, в которых бы он не сделал уникальнейших открытий.

Однажды, проводя химические опыты, он обнаружил интересное явление: смешиваясь, два вещества не меняют окраску или не превращаются из мутных в прозрачные или, наоборот, из прозрачных в мутные, что, в общем-то, для химических опытов обычно. Итогом реакции являются концентрические, гармонично чередующиеся кольца разной окраски.

Кольца идеально правильной формы. Толщина каждого кольца абсолютно одинакова. Сами кольца увеличиваются в диаметре, расходясь от некой центральной точки на периферию.

Этот уникальный феномен в последующем и был назван “Кольцами Лизеганга”.

Так вот, в геологии, как правило, в осадочных либо – реже – в вулканогенных породах тоже находят такие кольца. Я много читал на эту тему и видел фотографии различных колец, но, судя по всему, нам удалось в 1982 году в пустыне Гоби найти самые контрастные, самые уникальные и самые красивые “кольца Лизеганга”.

С того времени у меня в коллекции осталось три образца – два бежевых и один красный – ожелезнённый. Мне запомнилось, что эти образцы были найдены не в горах, а где-то на “плоскотине” – недалеке от дороги были видны выходы породы в виде кусков плитняка.

На многих кусках этого плитняка (а по составу, похоже, это мелкозернистый уплотнённый песчаник – аргелит) был виден уникальный рисунок – те самые “кольца Лизеганга”.

Теорией возникновения таких колец в своё время занимался Павел Александрович Флоренский (1882–1937), который был арестован в 1933 году и, выйдя из одного лагеря, не зная, что попадёт в другой и через короткое время там погибнет, написал, что в заточении, похоже, открыл тайну “колец Лизеганга”. Павел Флоренский предполагал изложить свою теорию на бумаге, но не успел.

С юных лет проблемой “колец Лизеганга” увлекался Андрей Дмитриевич Сахаров, кстати, увлекался всю жизнь. Похоже, он так и не нашёл разгадку этого явления.

Дело в том, что есть интересная гипотеза, что на нашей планете, прежде чем природа или Творец, как Вам будет угодно, создали живую клетку, они (или Он, или она) сначала “потренировались” на неживой природе, и своеобразными следами этих “тренировок”, то есть первыми попытками из хаоса создать гармонию, и являются “кольца Лизеганга”.